

Ирина Антипина

ЧУЖИЕ ПИСЬМА

Истории о любви,
подслушанные на скамейке

Ирина Антипина
Чужие письма.
Истории о любви,
подслушанные на скамейке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29603374

ISBN 9785449024701

Аннотация

В рассказах Ирины Антипиной о наших современниках, о жизни и смерти, службе и служении нет замысловатых ассоциаций и подтекстов, вычурных метафор и лихо закрученных сюжетов. В них живые люди со своими бедами и радостями, потерями и приобретениями. Они будто только что, распахнув душу соседке по лавочке, выговорились, освободились от гнетущих воспоминаний или поделились светлыми, яркими моментами бытия. А потом вспорхнули и продолжили свой путь: одни в счастливую жизнь, другие в никуда...

Содержание

Ностальжи, или Фили – любовь моя	5
Любовь... и помидоры	17
Горькие слезы любви	24
Чужие письма	31
Людочка	44
Искусство кройки и шитья	51
Весна в Архангельском	58
Мы странно встретились и...	71
Жить не страшно	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

**Чужие письма
Истории о любви,
подслушанные на скамейке**

Ирина Антипина

© Ирина Антипина, 2018

ISBN 978-5-4490-2470-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ностальжи, или Фили – любовь моя

*Сколько раз я мечтала
в долгой жизни своей
постоять, как бывало,
возле этих дверей.
В эти стены взглядеться,
в этот тополь сухой,
отыскать свое детство
за чердачной стрехой.*

Вероника Тушинова

Осень не радовала: солнце еле-еле проглядывало сквозь серые, унылые облака и даже не пыталось оживить красками грустный дождливый день. Не знаю, что вдруг щелкнуло в моей голове и почему я, побросав в сумку зонт, деньги и телефоны, бегом, будто кто подгонял, ринулась в незапланированное путешествие в прошлое. В детство и юность.

Редкие в воскресное утро пассажиры метро, покачиваясь в такт движению ретро-поезда, сосредоточенно читали книги. Бумажные! «Надо же, бумажные книги, ретро-поезд... Хороший знак!» – подумала я и принялась с интересом рассматривать старый, пятидесятых годов вагон. Его внутрен-

няя отделка из желтого тисненого линкруста была испещрена «тайными знаками», которые в детстве мы так любили разгадывать: вертикальные полосы, ромбы, большие и маленькие кружки причудливо сплетались в загадочные арабески. Простые изящные плафоны в виде больших рюмок, подвешенных горлышками вниз, и дешевый, протертый тысячами ног линолеум дополняли ретро-картину. Лишь рекламные наклейки на окнах – приметы сегодняшнего дня. И люди...

Осенняя грусть, навеянная дождливым утром, не рассеивалась, и даже ретро-поезд, так неожиданно кстати подвернувшийся мне в метро, не добавлял оптимизма. И зачем я ринулась в эту поездку? Может, права была Ирина Снегина:

*Не надо приходить на пепелища,
Не нужно ездить в прошлое, как я,
Искать в пустой золе, как кошки ищут,
Напрасный след сгоревшего жилья...*

А я вот поехала...

Мои размышления прервал безучастный, записанный на пленку голос машиниста: «Следующая станция – Филевский парк...»

И я вернулась на полвека назад...

...Сколько же лет я здесь не была? Приехала однажды случайно, по какому-то пустячному делу. Наш трехэтажный, из красного кирпича дом, сиротливо примостившийся сре-

ди строящихся домов из монолита, стоял тогда, будто на поминках, тихо и скромно. Он, последний из могикан, должно быть, знал, что доживает сейчас свои последние денечки.

Возле палисадника, в котором золотые шары и флоксы встречали когда-то после летних каникул филевскую детвору, остановился фургон, куда проворные грузчики стали лихо забрасывать чей-то небольшой, небогатый скарб. Да и зачем везти в новую, лучшую жизнь отслужившую свой век старую мебель. Ту еще, советского образца.

Зайти в подъезд, подняться вверх по истертым от времени ступеням, чтобы оказаться в небольшой коммунальной квартире, где прошли детство и юность, сил у меня не было. Я присела на лавочку, которая будто сохранилась здесь еще с тех далеких времен. Она стояла на том же месте, где и прежняя, возле газона и небольшого заасфальтированного пятачка, образованного на пересечении двух тротуаров, которые, петляя между нашими домами, вели к автобусной остановке.

Когда-то здесь, создавая определенный ансамбль, стояли пять кирпичных трехэтажных домов и две кирпичные пятиэтажки. Они обрамляли большой ухоженный двор с детской площадкой, качелями и каруселями, со стадионом, где дети и взрослые играли в футбол и волейбол, где стояли два зеленых стола для пинг-понга, а баскетбольные щиты с веревочными корзинами ждали любителей «голов, очков, секунд».

Рядом – газон, где летом и зимой полоскалось на ветру

развешенное для сушки белье. Оно, ломкое от мороза, крахмальное и подсиненное, пахло зимой снегом и свежестью, а летом – клейкими тополями и сочной ярко-зеленой травой.

Зимой на месте футбольного поля заливали каток и в самом центре устанавливали огромную, живую елку, украшенную мишурой, бумажными флажками и гирляндами из больших разноцветных лампочек. А рядом высокая, крутая ледяная горка – любимое место детских зимних забав.

Дети чувствовали себя защищенными в этом большом, засаженном тополями дворе. В июне тополя выбрасывали невесомый белый пух, который легким летним ветерком прибывало к бордюрам небольшими «снежными сугробами». Какое же было счастье, бросив зажженную спичку в самое сердце тополиного сугроба, радостно наблюдать фееричную вспышку! Секунда-вторая, и маленький веселый костерок опал так же стремительно, как и вспыхивал...

– Ирин, – я будто услышала голос Ленки Красновой, любимой подруги, – в классики играть будешь?

– Нет, я с мальчишками в ножички...

Ножички, классики, города – тихие игры филевской ребятни. Что мы таскали в карманах курток и пальто? Перочинные ножички, банки из-под гуталина, наполненные песком, тяжелый серебряный полтинник, которым замечательно разбивался копеечный кон, когда играли в расшибалку или пристеночек.

А уж шумных дворовых игр было не счесть: двенадцать

палочек, казаки-разбойники, штандер, вышибалы, разрывные цепи или бояре...

Эта детская непритязательная игра была для нас примером стойкости, выносливости и взаимопомощи: выстраиваемся, крепко взявшись за руки, двумя шеренгами, костяшки пальцев белеют от напряжения. Веселые и решительные. Отчаянные! Нам ни в коем случае нельзя позволить разорвать нашу цепь, отпустить руки, нельзя отдать боярам «невесту», которую они, во что бы то ни стало, стремятся забрать у нас силой...

У старших – другие забавы: кто-то крутил «солнышко» на турнике, кто-то играл в городки – замечательную русскую игру – или устраивал танцы на мостовой. Борис Сабиров, красивый, коренастый татарин из многодетной семьи, выставлял в окне третьего этажа патефон, и под звуки старинных вальсов и танго начинались танцы.

По воскресеньям в наш двор приезжал на лошади старьевщик, и за старую одежду, обувь, какие-то тряпки и бутылки мы выменивали у него свистульки, хлопушки, колечки с разноцветными стекляшками: красными, зелеными, синими; сахарные петушки на палочке, расчески. А еще забавные «тещины языки», которые, разворачиваясь, весело пищали, если в них подуешь. Но любимой игрушкой были набитые опилками и обтянутые цветной бумагой и фольгой мячики на резинке. Резинка привязывалась к указательному пальцу, и мячик радостно подпрыгивал в руке, будто живой.

Мальчишки выменивали у старьевщика «настоящие» пистолеты-пугачи, отлитые из алюминия кустарным способом. Пистолеты громко стреляли пистонами – такими же самопальными зарядами из пороха или спичечной серы. Для игры в казаки-разбойники это было самым лучшим оружием. Развлечением были и точильщик ножей со своим призывным: «Лудить, паять, ножи-ножницы точить!», и стекольщик, работы для которого в нашем большом дворе всегда хватало...

В палисаднике дома напротив, где находилась булочная и по утрам разгружали вкусно пахнущий свежий, еще теплый хлеб, пышно росла конопля, и мы, дворовая ребятня, с удовольствием грызли недозревшие зернышки этой запретной ныне травки. Для каких целей выращивал коноплю немолодой мужчина, живший на первом этаже этого дома, не знаю. Может быть, у него был попугай или еще какие-то птицы. А может, уже тогда в славном городе Москве и поселилась эта «благородная травка» для целей иных.

Воспоминания набегали, цветными картинками всплывали в памяти, туманили глаза...

– Теть, а вы чего плачете?

Рядом на скамейке пристроился маленький мальчик, лет пяти-шести, с новым, каким-то навороченным телефоном.

– Ну что ты, малыш, разве я плачу. Это дождь...

Малыш ловко управлял новомодной игрушкой и вдруг, углядев что-то, радостно причмокнул от счастья.

– Ура! Нашел! Телепузики!!!

«Боже мой, – подумала я, – какие Телепузики? Кто это?

И почему столько радости?»

Мальчишка залился восторженным смехом и больше не обращал внимания на странную тетку, перепутавшую слезы с дождем.

– Что ты здесь расселся, на теннис опоздаем, – то ли бабушка, то ли няня рывком подняла мальчугана и потащила за собой, – у тебя еще английский не сделан. Пойдем быстрее!

Я прикрыла глаза...

...Красные кирпичные дома на углу Филевской и Каста-наевской улиц располагались на окраине Москвы. Фили заканчивались нашим двором и сараями, за которыми угадывалось болото, заросшее чередой, ее соцветия намертво цеплялись к одежде – не оторвать, – и свалкой, а дальше, всего в километре от нее, доживала свой век подмосковная деревня Мазилово.

На свалке мальчишки добывали карандаши с непрокрашенной рубашкой и толстую алюминиевую проволоку, из которой делали пульки для рогаток. Зимой, на спор, прыгали с крыш сараев в белые, сверкающие на солнце сугробы. Таких сугробов в Москве не бывает сегодня даже в самые снежные зимы.

Из деревни Мазилово к нам в дом приходила молочница. Одетаая зимой и летом в старую, выдавшую виды телогрейку,

еще молодая дородная женщина через день приносила нам в больших алюминиевых бидонах свежее молоко. Она опускала в бидон литровый половник на длинной прямой ручке, зачерпывала молоко и аккуратно переливала его в трехлитровую стеклянную банку. Молоко было холодное и очень вкусное. К вечеру в банке почти на ладонь отстаивались густые желтые сливки.

В конце 50-х годов деревню стали сносить, и за нашими домами развернулась огромная стройка: новый московский район Фили-Мазилово. Деревенские хибары ломали, хозяев выселяли, а фруктовые деревья и кусты филевские жители выкорчевывали и высаживали в свои палисадники, с любовью обихаживая двор.

«Вот теперь и наш дом настигла та же участь, совсем как тогда», – вздохнула я.

От воспоминаний меня отвлек все тот же мальчишка. Он капризничал и никак не хотел идти ни на теннис, ни на английский. Он хотел играть в телефон и смотреть мультяшных Телепузиков.

Да, разные времена и разные поколения: у одного – дворовая дружба и дворовые игры, у другого вместо друзей – нелепые Телепузики и электронные игрушки...

В тот раз я так и не смогла подняться в свою квартиру. Посидела еще немного на скамейке и пошла прочь от воспоминаний и от своего некогда родного дома, безжалостно приговоренного к сносу...

... Что же сегодня меня вновь погнало туда, в далекие, забытые уже детство и юность? На пепелище. И почему вдруг я окликнула этого пожилого, с объемной спортивной сумкой в руке, мужчину? Чем он напомнил мне того Толика, мальчика, с которым мы перекидывались записочками с детскими объяснениями в любви? Как узнала? Почувствовала как?

Мужчина уставился на меня удивленным взглядом, постоял в раздумье пару секунд, потом махнул рукой, будто отгонял назойливую муху или невесть откуда взявшееся приведение, и пошел прочь.

– Толик, – позвала я еще раз.

Мужчина остановился, снова махнул рукой, но уже как-то обреченно, видно, смирившись и с мухой, и с приведением...

– Ты? – выдохнул он. – Откуда?

– Толик, – обрадовалась я, – Толик... Узнал?

– По интонации узнал, по голосу... Он у тебя совсем не изменился, совсем... Ты сюда как? К кому? По делам?

Толик засуетился, не зная, куда деть сумку, пожать или поцеловать мне руку или по-дружески чмокнуть в щечку.

– Я сюда... Просто так... Сама не знаю, зачем?

Мы медленно шли по направлению к нашему двору, вспоминая наперебой те далекие времена.

– А помнишь? – веселился Толик. – Помнишь, как мы с Сашкой шли за тобой, таясь, от самой школы, чтобы вернуть записку, которую ты Сереге Иголкину написала, не мне.

Ох, и обиделся я тогда.

Помню ли я? Это куда очки или ключи от дома положила, забываю постоянно, а друзей дворовых, Фили родные, школу, где все одиннадцать лет проучилась, не меняя, разве забудешь.

– Знаешь, а от нашей Поклонной горы лишь холм остался.

– Знаю, конечно... Зато теперь там мемориал.

– Угу, а яблони, вишни, груши, помнишь, еще в шестом классе там сажали, теперь вырубил. Такой сад был!

– Был сад, был, – вздохнула я, – а праздники в Доме культуры Горбунова, а концерты в парке рядом, где по выходным духовой оркестр играл, и Майя Кристалинская пела... У нее всегда шарфик на шее был, он сбивался иногда и черные шрамы оголял. А она все равно улыбалась и продолжала петь...

– Да, Ириш, праздники в ДК не забыть. И слеты разные: пионерские, комсомольские...

– Точно! А каток на стадионе, секции спортивные, кружки бесплатные! Гастроли театра Вахтангова там же...

– Там и сейчас какой-то театр, Московский мюзикл, кажется... А помнишь, в подвале вашего дома приезжие с Украины семечками торговали. Жареными, горячими. Зимой высыпали нам прямо в карманы, и мы там руки озябшие грели.

– Ой, а языком к дверной ручке парадного, помнишь? Язык примерзал к железке и отдирался с кровью. Ох, глупые

были, глупые...

– Почему глупые? Нормальные... Дети же... Ириш, а почему «парадного», почему так, по-питерски?

– Не знаю... Но ведь так мы и говорили: парадное... А еще «Маскварика», слитно и через «а». Смешно, правда?

– Смешно... Будто и не река Москва, а какая-то мелкая речушка, Маскварика...

Мы долго ходили кругами, не отдаляясь и не приближаясь к нашему бывшему двору, будто боялись увидеть что-то чужое, невозвратное. Вспоминали друзей, события, лица.

– А я сегодня нашей Майе Сергеевне пыталась дозвониться, не получилось почему-то... Нашла ее лет шесть назад... И ребят наших... Встречаемся теперь, редко, правда... А недавно юбилей отметили, – оживилась я, – пятьдесят лет последнего звонка. Тебя найти не получилось...

– Совсем как в кино – грустно сказал Толик...

– Ага, как в плохом сериале.

– Да, странно мы как-то встретились. Неожиданно.

– Неожиданно... Тебя, наверное, дома ждут?

– Подождут...

...На месте моего дома и четырех соседних стояли два огромных, уродливых монстра, отделанных ярким пластиком и глазурной плиткой. Двора уже не было, территория одного из домов огорожена высоким забором, рядом – будка охранника и подземный гараж да еще какие-то странные, непонятного назначения постройки. Сквозь кованый забор

сиротливо проглядывало одно-единственное, случайно сохранившееся дерево. И лишь робкие лучи холодного осеннего солнца, будто одумавшись, пробивались сквозь плотные облака, пытаясь оживить безликую картину современного мегаполиса.

Из будки охранника стремительно выскочил невысокий юноша с новым навороченным смартфоном в руках. Мне показалось, что это был все тот же, но уже весьма повзрослевший мальчишка, который несколько лет назад, гуляя здесь то ли с бабушкой, то ли с няней, увлеченно рассматривал мультяшных Телепузиков и никак не хотел идти ни на теннис, ни на английский и удивлялся странной тетке, перепутавшей дождь и слезы...

Любовь... и помидоры

Помидоры удались на славу! Я выползала из теплицы, держа в руках синюю миску, наполненную ярко-красными с лакированными бочками огромными плодами. Из теплицы тянуло прогретым за день, влажным и терпким запахом пасленовых. Солнышко еще слегка пригревало, было тихо и безветренно.

За дощатым забором, будто старое огородное пугало, маячила тетя Шура, плотная, закутанная в теплую нелепую шаль соседка.

– Тетя Шур, смотри, какие помидоры в этом году уродились, прям граммов по девятьсот будут... Красный гигант называются. Угощайся...

Тетя Шура повертела у виска заскорузлым пальцем.

– Вам, городским, – она смачно сплюнула на землю подсолнечную шелуху, – заняться нечем... Куда ж такие вырастила? Они же в банку не лезут...

Однако помидориной размером с небольшую детскую головку не побрезговала, взяла.

Я вошла в дом и занялась приготовлением ужина. Салат из свежих овощей получился – пальчики оближешь. А на горячее – жареные белые грибочки в сметане. Муж с утра сбегал в соседний лесок, приволок целую корзину. Славные такие боровички, один к одному. А ведь и вправду хоро-

шо иметь домик в деревне – все продукты под рукой: салатик, укропчик, кабачки-малышки, огурчики да помидорчики. Ешь, не хочу...

Мои гастрономические рассуждения прервал громкий стук в окно и старческий, скрипучий басок тети Шуры:

– Пока ты тут у плиты толчешься, там, на задах, Зинка-колдунья твоего мужика охмуряет...

Ох уж мне эти деревенские страсти! Зинка-колдунья, так ее кличет вся деревня, давно положила глаз на моего красавца-мужа. Вернее, красавцем он был давным-давно, в глубокой молодости, когда еще служил в армии и летал на штурмовиках: летчик-ас. А сейчас это просто военный пенсионер, бывший полковник, моложавый ухоженный мужчина. Разница в годах у нас с ним приличная: почти двадцать лет, но в супружеской жизни возраст, оказывается, совсем не главное. Важны даже не страсть и любовь, а взаимопонимание, уважение и доверие. Главное, глядеть в одну сторону. Хотя в нашем случае и любовь, и страсть присутствуют до сих пор. Не стареют...

– Да Бог с ней, тетя Шур, пусть потешится. Каково ей без мужика-то...

– Нет, ты, девка, сбегай туда. Разгони их... Ишь, повадилась. Ты ведь как уедешь, она тут как тут... Полковника баба захотела... Губу раскатала...

Так, пришептывая и приволакивая изуродованную подагрой ногу, тетя Шура подалась в магазин за бутылкой.

В нашей деревне все любят выпить «с устатку», а в такой тихий теплый вечер и впрямь не грех пропустить рюмочку-другую. Зинаида, наверное, тоже в магазин направлялась, но, углядев через забор предмет своего вожделения, завернула к нам на зады, с чужим мужем пообщаться.

Зинку в деревне не любили. Острая на язык, завистливая и мстительная, она уже давно перессорилась со всей деревней. Когда Зинаида входила в магазин – центр деревенской культуры, – все разговоры разом стихали. Да и детей мамаша спешили оттуда увести побыстрее: сглазит еще, не дай бог...

На задах муж колот дрова. Президентская программа газификации до нашей деревни еще не дошла и не дойдет, наверное, никогда: вот и приходится весной и осенью топить дровами печь-голландку. Да и баньку истопить березовые дровишки в самый раз будут. Муж, высоко взмахивая хорошо правленным топором, лихо справлялся с березовыми чурбаками. Раз! И полено пополам. Еще – раз! И вот уже аккуратные поленца разбросаны вокруг него веером.

Зинка с завистью и удовольствием смотрела на оголенного по пояс сильного, не старого еще мужчину. Торс у моего мужа был ну просто классический, ему мог бы позавидовать даже какой-нибудь начинающий культурист: накачанные мышцы рельефно выступали сквозь деревенский загар, заставляя Зинку сглатывать слюну. Права была тетя Шура: раскатала Зинка губенки.

– Зин, пойдём в дом, помидорами угощу, вкуснющими, –

ласково так обратилась я к своей деревенской сопернице.

Зинаида нехотя оторвала взгляд от созерцания моего Аполлона и, шаркая ногами, побрела за мной в дом.

– Смотри, какие шикарные помидоры у меня в этом году выросли, просто гиганты какие-то, – похвасталась я.

Зинаида неодобрительно посмотрела на плоды моих рук и, растягивая слова, проговорила:

– Ну и зачем они тебе такие... Они же в банку не лезут...

– Вы что, с тетей Шурой сговорились, что ли? Ну не лезут, и что? Зато смотри, какие красавцы. По килограмму каждый.

Зинаида вздохнула и села за стол.

– Налей, что ли, водички, что-то в горле пересохло.

Еще бы не пересохнет... У меня и самой, когда я смотрю на своего обнаженного мужа, в горле пересыхает и дыхание учащается.

– Давай-ка лучше чайку с бальзамчиком... Пока там Саша дровами занимается, мы с тобой посидим, чаю попьем, поболтаем.

Я заварила чай, выставила креманку с конфетами, достала бальзам. Зинаида внимательно, не мигая, следила за моими движениями.

– Послушай, Вер, тебе сколько лет? – встрепенулась она.

– Да почти сорок пять. Скоро опять ягодкой стану...

А что?

– Да вот смотрю я на тебя и не понимаю, чего ты, такая

молодая, красивая, да за старика замуж вышла. Тебе бы кого-нибудь помоложе.

Ага, думаю. А тебе бы моего Александра.

– Да был у меня помоложе, ровесник. Так он от мамкиной юбки до сих пор оторваться не может. Суший ребенок. А Сашино поколение совсем другое: я за ним, как за каменной стеной...

– Нет, ты не понимаешь, – ворчливо проскрипела Зинаида, – твоему Саше нужно не в Москве жить, а в деревне... Вишь, какой рукастый...

– Да не волнуйся ты так, Зин. Ему и в Москве есть куда руки приложить. Он без дела не сидит и на диване с пивом и газетой не валяется. Мужик, одним словом... Настоящий мужик, крепкий.

Зинаида закусила губу. Она с шумом прихлебывала горячий чай, откусывая от шоколадной конфетки крохотные кусочки. Ее узловатые, натруженные руки нервно теребили шуршащий конфетный фантик. А на сморщенном, выжженном солнцем, коричневом лице читались боль и страдание.

Да, быстро стареют деревенские женщины. Зинаиде нет еще и шестидесяти, а выглядит она лет на десять старше. Замужем моя соперница никогда не была, детей не рожала, но злые языки поговаривают, что без абортв и она не обошлась. Были у нее романы, и страстные, говорят, с битьем окон и жестоким мордобитием. Приходили Зинкины товарки за своими мужьями к молодой, крикливой продавщице,

отношения выясняли на кулаках да с булыжниками. Небольшой шрам на Зинаидином лице, наверное, – след от тех былых деревенских страстей.

– Ну, ладно, я пойду, – вздохнула Зинаида, – мне еще в магазин надо, за хлебом.

Зинаида ушла, а я принялась накрывать на стол и ждать Сашу к ужину...

Вечер пролетел незаметно: телевизор, книжечка, стакан кефира. Когда я в полночь стала укладываться спать, почувствовала легкое покалывание в руках и ногах. В голове зашумело. В какой-то странной тоске заныло, затрепыхалось сердце. Александр, испугавшись моей бледности, трясущимися руками отсчитывал по каплям валокордин, прикладывал грелку к ногам, тащил горячий, сладкий чай... Ничего не помогало: дрожь не унималась, голова раскалывалась от боли.

И здесь я вдруг вспомнила, как в первый год моего пребывания в статусе новой жены Александра Петровича нас, на правах соседки, навестила Зинаида. Она принесла пироги, какую-то незамысловатую закуску, конфеты. Познакомились... Выпили... Отведали пирогов... Попили чаю... А ночью Александр отвез меня в районную больницу с тяжелым сердечным приступом...

– Саш, – сквозь боль и слезы прошептала я, – помнишь, в прошлом году, когда я упала возле цветочной грядки, буквально на ровном месте, а потом полгода лечила колено, то-

же ведь Зинаида приходила. Помнишь?

– Верочка, ну что ты, не говори глупостей. Ты же умная женщина. Что ты за Шурой небылицы повторяешь.

– Небылицы, говоришь... А со мной после Зинкиных визитов обязательно какая-нибудь гадость случается.

Саша гладил мою руку, поправлял одеяло, подушку – заботился, одним словом. Облегчения мне это не приносило.

– Все, Саш, не могу больше. Вызывай скорую.

Скорая примчалась на удивление быстро. Это вам не Москва с постоянными пробками и припаркованными как попало машинами во дворах. Дорога из райцентра прямая, машин ночью почти нет: фельдшер из районной больницы доехала до нас минут за пятнадцать. Померила давление, вколола магнезию с димедролом, еще чего-то и села с Сашей на кухне попить чаю. Прощаясь с докторицей, Саша все пытался всучить ей деньги за визит. Милая женщина отшучивалась и отнекивалась. Точно, не московская скорая.

– Ну, возьмите хотя бы помидорчиков, посмотрите, каких красавцев я вырастила, больше килограмма каждый будет, – повеселевшим голосом предложила я.

Фельдшерица внимательно посмотрела на россыпь овощей на моем столе и на полном серьезе проговорила:

– И зачем вы такие помидоры выращиваете? Они же в банку не лезут...

Горькие слезы любви

Она умирала. Лечащий врач обронил: сегодня-завтра...

Вадим с тоской смотрел на почти высохшее, некогда любимое тело, на лицо со следами мук и физического страдания, на тонкую, обтянутую пергаментной кожей руку, которая, слегка подрагивая, безвольно лежала поверх грубого больничного одеяла.

Он остановил взгляд на безымянном пальце, где еле заметным вдавленным ободком виднелся след от обручального кольца. Они покупали его вместе, на Арбате, в «Малахитовой шкатулке», и он прямо в магазине надел его на красный, обветренный пальчик своей любимой. Сколько ей тогда было: семнадцать, восемнадцать?..

...Она влетела в комнату, озорная, веселая, обдала всех лукавым взглядом своих широко распахнутых глаз цвета ореховой коры. Это он потом заметил, разглядел эту ореховую невозможность, когда ее глаза оказались рядом, совсем близко, и когда она впервые, обхватив его за жилистую шею, прошептала: «Мой...»

– Пап, кто выигрывает? Ты? Так держать!

Потом зарделась, смутилась своей бесцеремонности. Чмокнула отца в щеку.

– Ладно, играйте, я побегу. – Ее взгляд остановился на нем. Полоснул. Заставил смутиться...

Смутиться? Его, любимца женщин, покорителя сердец, записного красавца?

– Пока. Лешка ждет...

Этот Алексей долго потом мучил их своим присутствием. Жених не жених. «Друг, – говорила она, – приятель...»

Он тогда проиграл ее отцу. Поторопился? Решил поскорее закончить партию, чтобы увидеть, рассмотреть ее поближе, удержать рядом? Проводить? Нет, сейчас и не вспомнить... Безжалостная пелена застит глаза, не увидать. Не распознать...

Память... Память... Ты, будто шутя, подбрасываешь воспоминания: неоконченные сюжеты, счастливые моменты, осколки былого... Зыбко все, туманно... И было ли? Или это всего лишь сон, игра воображения, ложная память...

Вот только глаза... Только глаза... Лукавые... Насмешливые... Сердитые... Любимые!

Они и сейчас, в этой одинокой больничной палате покуда еще светятся каким-то приглушенным, неярким светом, озаряя маленькое, сморщенное, такое некогда любимое лицо. И все еще остаются живыми...

– А у нас глаза одинаковые. Замечал? В крапинку...

Шустрая арбатская девчонка с длинными, «от ушей», ногами, с блатной челочкой. Спортсменка... Пловчиха... Красавица...

Нет, память не подвела. Тогда, распрощавшись с ее отцом, он напросился к ней в провожатые...

– Что ты, малыш? – он нагнулся, чтобы расслышать ее слабый стон. Или слова, которые ждал всю свою жизнь. И которых никогда, даже в моменты наивысшей близости, так от нее и не дождался...

– Что, малыш? – повторил он тихо. – Что?

– Никогда, слышишь, никогда не называй меня этим гадким собачьим именем. – Она задохнулась...

– Успокойся, милая, – он взял ее обессиленную, уже почти холодную руку, поднес к губам.

– У соседа овчарка была, злобная... Малыш... Я же просила, – она вновь задохнулась, – всю жизнь просила не называть меня так...

Силы оставили ее, и она вновь забылась тяжелым медикаментозным сном. По легкому движению век, по вздрагиванию ресниц он пытался угадать, понять, что ей снилось, что там, уже почти за гранью, виделось...

...Они брели по засыпанным кленовыми листьями аллеям Нескучного сада. Он согревал дыханием ее холодные, покрасневшие ладони. Морозило. Из глубины парка тянуло горьким запахом подвявшей листвы и сладким, почти невосомым дымком от костра, в котором сгорали приметы той, их, осени.

– Листья жгут... Слышишь, как пахнет? А красиво-то как! Трагично красиво... Багрец и золото... Сказка...

...Воспоминания роились, набегали друг на друга, мешали сосредоточиться. Стеклышко к стеклышку, пуговка к пу-

говке, как в детском калейдоскопе. Отчего-то никак не получалось у него сложить их в зримую, законченную картинку. Они улетучивались, разбегались, рассыпались... На эпизоды, слова, фразы...

– Любишь? – он крепко, до хруста сжимал ее в объятиях. – Скажи, любишь?

А она в ответ лишь смеялась... Дразнила... Убегала, взмахнув на прощание рукой... Уплывала... Пловчиха... Ноготки розовые, ушки розовые... Теплые... Что он шептал ей тогда? Что?

Пришла однажды серьезная. Торжественная.

– Шесть недель... Думаю, мальчик будет.

Как обухом по голове. До звона в ушах. До судорог.

– Прости, малыш. У меня же семья... Марина...

– Марина?! – охнула она. – А я? А кольцо? Вот же оно...

Вот... Твое!

Глаза цвета ореховой коры пожухли, затуманились набежавшими слезами.

– Ненавижу!

Она развернулась на каблучках, взмахнула рукой... Лишь краешек розового платья мелькнул на перекрестке меж беспорядочно снующих машин. И этот жуткий, страшный скрежет тормозов...

– Вы ее отец? – суровый доктор что-то быстро записывал в больничную карту. – Что же не уберегли дочку? Такая молодая, сильная... Ей бы рожать и рожать... А теперь что?

За отца принял. Разница двадцать лет. Больше. Девчонка. Несмышлениш.

Что он мог ей дать? Такой юной, такой настоящей. Почему не обрадовался тогда? Не подхватил на руки? Не закружил? Испугался?

Ничего не вернуть... Ничего не исправить... Как ни старайся...

...Тем летом стояла страшная жара. Плавился асфальт. На бульварах отцветали липы, и от терпкого приторно-сладкого запаха увядания противно кружилась голова. Он долго сидел тогда на больничной скамейке, обхватив раскалывающуюся от страха, неожиданности и тоски голову, и пытался решить, что же делать. Как быть?

Затянулся их роман, запутался, завязался тугим узлом. Не развязать. Не разрубить.

Запах липы щекотал ноздри, застревал в горле... Этот запах до сих пор преследует его, и он до сих пор его ненавидит. Сладкий запах любви или... тлена? Ее запах...

Вот и сейчас в открытое окно палаты проник, просочился этот удушливый, пьянящий запах. Как знак. Как напоминание о том лете. Страшном? Счастливым?

...Она тогда быстро поправлялась. Молодой, сильный организм не подвел. Спортсменка. Разрядница. Умница. Вот только матерью уже не быть. Никогда...

Встречать ее из больницы явился Лешка. Жених не жених. Друг...

И Вадим, уже не раздумывая, увез ее к себе. В съемную квартиру. На всю жизнь...

Когда уходил из дома, взяв с собой лишь маленький кожаный чемоданчик, Марина плакала и орала вслед: «Эта девчонка погубит тебя! Намучаешься с ней. Устанешь. Воротишься еще!»

Он и мучился, и уставал, и изменял.

– Ненавижу, – кричала арбатская няяда, – ненавижу... Уходи... Возвращайся к жене... Уйди из моей жизни...

Тогда он возвращался к Марине. Бывшая жена молча, ни разу не упрекнув, принимала его, а он, не выдержав и недели, опять уходил. Уходил к той, молодой, красивой, с сильными, хваткими руками. И, задыхаясь от любви и нежности, все пытался услышать от нее «люблю».

А она опять убегала, ускользала, быстрая, верткая, холодная, как лягушка. Потому и изменял, потому и метался от одной женщины к другой, что был не в силах растопить лед, который проник в их отношения в тот жаркий московский июль, когда плавился асфальт и так сладко пахли отцветающие липы. И когда он, струсив, отказался от своего счастья...

Картинки в калейдоскопе постепенно менялись: качели Нескучного сада, ее счастливый взгляд, промельк розового платья... Скрежет тормозов, так страшно, на всю жизнь врезавшийся в память... И ее глаза...

– Вадим, – почти невесомая рука с уродливыми темно-коричневыми пятнами замерла в его больших жестких ладо-

нях. – Вадим, – еле слышно повторила она. – Люблю. – Ее слабый, чуть слышный голос дрожал. – Люблю тебя... До последнего вдоха, до конца...

Она приподняла голову, и родные глаза в последний раз полоснули его своим ореховым светом...

– Люблю...

Высокий, почти седой старик, с потухшими глазами цвета ореховой коры, слизывая с пересохших, потрескавшихся губ слезы, улыбался...

Вошел врач. Склонился над больной. Нащупал ускользающий пульс... Легкий вздох, будто маленькое облачко, отлетел в вечность...

– Кажется, все... Отмучилась.

Чужие письма

Я сидела возле телевизора и внимательно смотрела странный фильм Невзорова про лошадей и людей. Его лошади мыслили, читали, чуть ли не разговаривали. Они были гораздо умнее и понятливее иных человеческих особей. Все это мало походило на правду, но было весьма забавно. Вообще лошади – это моя страсть. Сейчас она поутихла немного: муж, дети, собака... Но в юности...

Фильм вернул в прошлое: конюшня на Юго-Западе, мой любимый конь Буян, подруга Майка и наш, вернее, ее, Славка... Два года странных отношений, связавших наши судьбы в тугой, запутанный узел, который, казалось, не разрубить и не развязать, подобно сюжету какого-то французского фильма, мигом пронеслись в моей голове...

...Майка тогда всего недели три как появилась у нас в конюшне, но уже успела со всеми перезнакомиться и подружиться. Она была чуть старше меня, года на полтора, заканчивала МГУ.

В тот воскресный день, когда мы с ней впервые увиделись, у моего Буяна, губошлепного пегого коня, снова начались колики. Я с ног сбилась, не зная, чем ему помочь. Он катался по деннику, изо рта хлопьями свисала пена, круп покрылся огромными каплями пота...

– Давай помогу, – незнакомая высокая девушка в новень-

ких крагах, новом шлеме и со стильным стеклом в руке, поглаживая Буяна по раздувшимся бокам, мило мне улыбалась.

– Помоги, – от страха и отчаяния я готова была перепоручить заботу о Буяне уже кому угодно.

Майка, эта невесть откуда взявшаяся помощница, ловким движением перехватила уздечку, выпавшую у меня из рук, и, шепча что-то ласковое в ушную раковину моего измучившегося любимца, пыталась его утихомирить... Ничего не получалось.

– Давай шприц... Колоть будем.

Буян потихоньку успокаивался, боль, кажется, отпускала. Я в изнеможении рухнула на соломенную подстилку.

– Ты откуда к нам такая? – удивилась я. – А где с лошадьми управляться научилась?

– Будущий классный экономист, – представилась, улыбаясь, Майка, – предпоследний курс МГУ. С лошадьми я лет с четырех, сначала пони в Битце, потом лошадки в прокате, а теперь вот свой красавец. Отец на день рождения подарил...

Да, видела я этого Ганновера. Дорогуший...

«Будущий классный экономист» оказалась девушкой общительной, покладистой и незлобивой. Лошади таких любят. А вот люди относятся с опаской. Говорят, нельзя быть хорошей для всех, обязательно какая-нибудь гниль вылезет. Однако с Майкой после того случая я подружилась сразу же, тем более что жили мы почти рядом, и забирать нас из ко-

нюшни, если мы задерживались там допоздна, приезжали по очереди то мой, то ее отец.

Однажды подруга приехала в конюшню вся в слезах. Раньше такой сентиментальной сырости за ней не замечалось. Она всегда пребывала в хорошем, я бы даже сказала, радужно-приподнятом настроении. А здесь – слезы.

– Май, что-нибудь серьезное? Случилось что?

– Ох, – горестно всхлипывая, вздохнула всегда уравновешенная подруга. – Славка сессию завалил. Теперь ему армия грозит. А его отчим говорит, выпутывайся сам, ничего для тебя делать больше не буду, – Майка, пытаюсь успокоиться, размазывала потекшую по лицу тушь, – а мы пожениться соби-
рались. Осенью...

Славка, Майкин жених, учился с ней в одной группе. Парень умный, но безалаберный. Учебе предпочитал чтение и кинематограф. Обожал французское кино, да и французский язык знал почти в совершенстве. И что его понесло в экономику, одному богу известно. Хотя в те годы экономисты и юристы были нарасхват, самые престижные и модные профессии. Два кита, на которых держалась вся высшая школа.

Огромные Майкины глаза вновь наполнились слезами, и, шмыгнув носом, она поплелась, именно поплелась, а не вспорхнула, как обычно, к своему Ганноверу.

Да, «забрили» тогда Майкиного жениха в армию. И служил он не в Москве, под боком у родителей, а где-то в глуши,

то ли на Дальнем Востоке, то ли в тундре какой-то или в Забайкалье. В общем, далеко очень. Майка же писала жениху редко, а письма туда шли долго. Славка обижался, присылал ругательные телеграммы, грозился разлюбить... Тяжело ему там было, парню из интеллигентной московской семьи, да еще со знанием французского. Дедовщина, прапорщики и все такое...

– Ну, не люблю я писать письма, не умею, – оправдывала себя подруга, – какую-нибудь статью про микро- или макроэкономику – всегда пожалуйста, или график выстроить, к примеру: «Рост материального благосостояния населения в зависимости от степени коррумпированности элит», – говорила она нам, смеясь, – это я могу, а письма про любовь, увольте, не умею, не получается...

– Послушай, Ириш, – обратилась ко мне однажды надежда российской экономики, – ты ж у нас гуманитарий, почти круглая отличница, сочинения в школе хорошо писала? Сваргань Славке письмо, выручи.

– Май, ты с ума сошла? Какое письмо? С какой стати?

– Ну, Ириш, ну, напиши... Маленькое какое-нибудь, любовное... У меня совсем нет времени, то семинары, то коллоквиумы... Диплом на носу... Хочу раньше защититься. Со всем зашиваюсь...

Подруга долго меня уговаривала, льстила, взывала к совести, давила на жалость.

– Ну вот бросит меня Славка, женится на какой-нибудь

девке деревенской... Кто тогда виноват будет?.. Ты, конечно... Не смогла подружке помочь...

После ее последних слов я почти «сломалась».

– А как же почерк, у тебя жених что – слепой? Не увидит, что письма разной рукой писаны?

– Ну, Ир, ты сама как из тундры. Кто ж сейчас письма от руки пишет. По-моему, компьютеры сейчас даже у первоклашек есть. Я текст на компе набиваю, распечатываю – и в конверт. Как говорится, «лети с приветом, вернись с ответом».

К Майке опять возвращались ее улыбчивость, простота и, я бы даже сказала, беспечность. Она чмокнула меня в щеку и убежала переодеваться. На выходе из конюшни нас ждал Майкин отец, моложавый, но уже с заметно выделяющимся под модным свитером «пивным» животиком.

– Что, красавицы, с ветерком? Не обидите?.. Тогда вмиг доставлю, куда пожелаете...

В машине подруга все продолжала меня уговаривать, и в конце пути я уже окончательно сдалась. Уговорила она меня тогда.

Дома, поздно вечером, боясь, что завтра пойду на попятную, я принялась за письмо Майкиному жениху: «Здравствуй, дорогой Славик», – набрала я... Нет, не то... Так дело не пойдет. Вряд ли Майка начинает свои редкие письма с такого обращения. Удалив первую строку, я начала заново: «Славка, привет!» Да, правильно, именно так. Теперь дело

пошло веселее. Управилась я быстро, отправила текст Майке на e-mail и легла спать. Да, Интернет – дело великое!

Наутро меня разбудил звонок. Подруга, захлебываясь от восторга, кричала в трубку что-то несвязное. Я с трудом поняла, что ей все понравилось, что мне респект и отдельное спасибо. Правда, она убрала из письма несколько слов, совершенно не свойственных ее лексикону. Но, в общем, осталась очень довольна и предложила мне продолжать в том же духе...

Отправив трубку на базу, я призадумалась. Во что же это я втравилась и зачем мне все это надо... Помочь подруге?.. Наверное, так... Нет, вряд ли... Тогда зачем?.. Размышляя над сложившейся ситуацией, я вдруг поняла: мне просто захотелось каких-то, пусть виртуальных, но отношений с мужчиной, поскольку в реальном мире у меня таковых не наблюдалось. Мой бывший бой-френд растаял в воздухе, не оставив после себя никаких вещественных примет. «Что ж, поиграем в любовь, – наивно подумала я тогда, – глядишь, может, и пригодится...»

Славкин ответ на мое письмо Майка получила быстро и тут же прибежала ко мне с очередной просьбой.

– Ириш, давай, пиши дальше. За мной торт.

– Ну что за глупости? Какой торт? Я на диете... Худею...

Но Славкино письмо, написанное как раз от руки, простенькой шариковой ручкой, забрала. В глубинке, где он служил, компьютеров не было.

Красивый у него почерк, удивилась я, правда, размашистый, но, как сказала однажды Майка, довольно изящный. У мужчин редко встречается красивый почерк. Одно плохо, писать я ему могу только на компьютере, а ведь только строчки, написанные от руки, могут передать и настроение, и чувства пишущего... Жаль, конечно, что эпистолярный жанр у нас совсем забыт... Жаль... Так, размышляя сама с собой, я принялась за новое письмо Майкиному жениху...

– Ну ты, Ирка, даешь... Славка нарадоваться на меня не может... Такое письмо прислал... Ох, ты и загнула в прошлый раз... Как это там у тебя было: «Весной у меня в стакане стояли цветы земляники, – Майка запнулась, вспоминая, – листки у них белые с бледно-лиловыми жилками, трогательно вогнутые, как твои веки. И я нечаянно назвала их твоим именем...» Ха-ха, здорово получилось. Клево!

– Темная ты, Майка, – прервала я подругу, – хотя и университет заканчиваешь. Это не я, это поэтесса одна. Она еще молодая погибла в Отечественную, в сорок первом. Я просто Славке ее «Последнее стихотворение» переписала. Ты бы хоть мои письма внимательнее читала, а то вернется жених из армии, о чем с ним говорить будешь?

– Не беспокойся, подруга, найдем о чем.

Что-то не понравился мне Майкин тон, да и мой тоже. Ревность... Конечно, это она, ревность черной кошкой вползала в наши с Майкой отношения.

А любовная эпистолярная игра тем временем затягивала

меня все больше и больше. Я уже писала Славке почти каждый день и в каждом письме про любовь, про разлуку, про невозможность так долго находиться вдали друг от друга. В каждом письме тоска и трепетное ожидание встречи...

Как-то позвонила Майка: «Срочно приезжай, срочно, немедленно».

Собралась я мигом и уже через полчаса, не в силах дождаться лифта, влетела на пятый этаж нового элитного дома. В респектабельном, стильно оформленном холле остро пахло рыбой. В Майкиной же квартире этот запах можно было, черпая ложками, просто-напросто есть, запивая чешским пивом.

– Вот, смотри, что делается, – подруга обвела взглядом огромную кухню, все столешницы которой были завалены лоснящейся от жира и источающей умопомрачительный аромат рыбой. Серебристая чешуя свежей и янтарно-желтая копченой, прилипшая к почти стерильной поверхности стен, столов и пола, блестела и переливалась под множеством маленьких лампочек, искусно встроенных в модную кухонную мебель.

– Ты открываешь рыбный магазин, зачем тебе столько? Откуда?

– Давай, забирай труды своих рук, – Майка была недовольна и рассержена, – Славкины сослуживцы приволокли. Как только довели, не знаю.

Я присела на стул и потребовала объяснений.

Оказывается, утром, когда Майка собиралась на занятия, в квартиру буквально ввалились трое здоровенных солдатиков. С извинениями и восторгом они преподнесли свой «скромный» подарок «лучшей девушке планеты». И вдобавок передали благодарственное письмо от командира части «невесте сержанта Вячеслава Симонова», которая своими ежедневными письмами «поддерживает боевой дух рядового состава Российской Армии». Вот так... Доигрались!

Рыбу мы отволокли на конюшню. Народ был счастлив. Почти целую неделю конюшня по вечерам гудела. Пиво, копченые муксун, омуль, нельма, шашлыки... Праздник, одним словом. А Майка ходила надутая, обиженная.

Тогда я решила сбавить обороты и писать Славке пореже. Но остановиться уже не могла. Я хотела общаться с ним постоянно, скучала, когда Майка долго не передавала мне продолговатые конвертики с воинским штемпелем, плакала, если она задерживала Славкины письма у себя надолго или вообще неделями не показывала мне их. Мы с Майкой все дальше отдалялись друг от друга. Судя по редким Славкиным письмам, которые мне приходилось буквально выпрашивать у Майки, она уже сама писала ему довольно часто и все реже и реже обращалась ко мне за помощью. Только когда действительно «зашивалась».

За учебой, конюшней, ожиданием Славкиных писем, за моими письмами к нему, а теперь я часто писала их просто «в стол», время летело быстро...

Защита Майкиного диплома счастливо совпала с возвращением из армии ее жениха. Диплом Майка решила отмечать без особого размаха, в маленьком уютном кафе в цокольном этаже их престижной многоэтажки, наверное, чтобы сэкономить силы и деньги для предстоящей грандиозной свадьбы.

К встрече с моим адресатом, Майкиным женихом, я готовилась тщательно и с огромным волнением. Прическа, одежда, макияж – все должно было быть безукоризненным. Я почему-то думала, что он меня сразу же узнает, как только увидит, хотя лично знакомы с ним мы никогда не были.

Кафе понемногу заполнялась красиво одетыми людьми, в которых я с трудом узнавала наших лошадиников: конюхов, тренеров, администраторов. Непривычно было видеть их не в рабочей или спортивной одежде, а в праздничных вечерних туалетах.

Дружной стайкой ввалились Майкины сокурсники, возбужденные, веселые, взволнованные. Прямо с защиты. Все с нетерпением ждали Майку со Славкой.

Они были красивой парой. Будущий жених не отличался высоким ростом, был коренаст и крепок. Майка на своих высоченных каблуках даже чуть возвышалась над Славкиной несколько крупноватой головой. Но это отнюдь не делало ее выше. Во всем облике жениха угадывался уверенный в себе, мудрый и мужественный мужчина. Такой, каким я себе его и представляла, вчитываясь в красивые строчки длин-

ных Славкиных писем. Майка лучилась счастьем. Славкин отчим сменил, наконец, гнев на милость и составил пасынку хорошую протекцию в лучшую московскую фирму. А оканчивать институт и защищаться – это уже всем виделось простой формальностью.

– Слав, это моя лучшая подруга, Ирина, – как-то неуверенно представила меня Майка своему жениху, – я тебе писала о ней.

«Лихо... Она писала...», – подумала я. Мне захотелось здесь же, сейчас рассказать, кто писал ему длинные, полные любви и надежды письма, кому он клялся в вечной преданности и любви в своих. Как я удержалась тогда, до сих пор не пойму.

Мы мило беседовали со Славкой, пили за дружбу, нахваливали в два голоса мою подругу.

– Представляешь, – громко, чтобы все слышали, и нежно целуя Майку в обнаженное плечико, с восторгом произнес он, – Майка же просто подвиг совершила. Я получил от нее за два года почти целый чемодан писем. Мне вся часть завидовала. Ну кто бы еще так смог. «Я бы и смогла, у меня их еще целый ящик дома лежит, не отправленных...» – ревниво подумала я. И как теперь со всем этим жить, не представляю. А Славка, ставший за эти два года переписки таким родным, любимым и близким для меня человеком, крепко обняв Майку за стройную талию, что-то нашептывал ей в ушко интимно-радостное.

– Что, Ирина, заскучала? – Славкин голос отвлек меня от грустных мыслей. – Идем, потанцуем вместе.

Мы, обнявшись, медленно двигались втроем в такт музыки. Какая-то возникшая напряженность вмиг сковала наши движения. Майка оказалась мудрее меня: «Вы здесь потанцуйте немного, а я пойду носик попудрю». Она упорхнула, а мы продолжали медленно кружиться по залу. Мелодия наконец-то кончилась, и я с облегчением вздохнула.

– Поболтаем?

Славка принес мне сок в высоком прозрачном стакане. Холодный напиток несколько остудил меня, и мы снова принялись мило разговаривать. «Главное, не дотрагиваться до него, общаться на расстоянии, – думала я про себя. – Тогда все будет хорошо, легко и просто».

Просто и легко не получилось. Нам приходилось часто встречаться и втроем, и в компании друзей. Взаимная симпатия росла и крепла.

– Ты знаешь, – сказал однажды Славка, – у меня такое ощущение, что мы с тобой знаем друг друга давным-давно, и знали в какой-то еще прошлой жизни. Мне так хорошо знакомы твои слова и мысли, как будто мы выросли в одной песочнице или за одной партой сидели. Какая-то ты родная. Я счастлив, что у моей Майки такая замечательная, преданная и верная подруга, – с некоторым пафосом добавил он.

Майка же стала относиться ко мне все с большим недоверием, опасаясь, наверное, что я проговорюсь про письма, про

дурацкую, в сущности, игру, затеянную нами два года назад.

На одной из вечеринок, когда все уже были немного пьяны, и свет в зале слегка притушен, Славка, властно обхватив меня за плечи, приник ко мне губами и, почти обессиленную в его руках, с какой-то грубой ненасытностью страстно и долго целовал. Видела ли это Майка, не знаю, но с тех пор встречаться втроем мы уже перестали. Только в конюшне, и только с друзьями. Остаться наедине со Славкой у меня не получалось никак.

Майка тем временем с фанатизмом готовилась к свадьбе. Разрабатывался сценарий свадебного действия, дизайн приглашений. У модного кутюрье шились наряды для жениха и невесты. Составлялся огромный список гостей. Были заказаны ресторан и свадебный картеж. Куплены путевки для свадебного путешествия. Я по мере сил и способностей помогала подруге. Отмечать свадьбу решили дважды: в ресторане и на конюшне. Иногда за хлопотами я замечала на себе долгий и странный Майкин взгляд. Мне становилось неуютно, я буквально съеживалась под ним, пугалась. Со Славкой же после той вечеринки я больше не виделась. То ли он стал избегать меня, то ли так складывались обстоятельства. А я все чего-то ждала: звонка в дверь, письма или хотя бы маленькую эсэмэску.

Свадьба моих друзей была назначена на первое воскресенье сентября.

Меня на свадьбу не пригласили.

Людочка

Начальник производственного отдела, Сидоров Николай Николаевич, молодой, симпатичный мужчина, чуть лысоватый, прямой, как корабельная мачта, с темными масляными глазами и чувственным ртом, проводил ежедневную пятиминутку. Затянулась что-то его пятиминутка, замахрилась рваными кружевами слов, частоколом цифр и недовольными взглядами подчиненных. А подчиненные-то сплошь одни бабы: молодые и не очень, красивые и страшенькие, беленькие и рыженькие, а то и вовсе крашенные-перекрашенные. Разные, одним словом...

«Мой гарем», – любил повторять начальник производственного отдела в сугубо мужской компании в свободное от работы время. Правда, времени свободного у него мало-вато было: приходил на работу раньше других и уходил позже всех.

– Ты бы хоть шторы отдергивал, конспиратор, – частенько выговаривала ему, то ли смеясь, то ли пытаясь за смехом скрыть свое раздражение и горечь его секретарша, Людочка, женщина незамужняя, успевшая уже разок сходить замуж и развестись еще до знакомства с начальником производственного отдела, а теперь пребывавшая с ним в весьма близких отношениях. Слишком близких. Почти родственных...

Вот и сегодня, заскочив перед пятиминуткой в кабинет шефа, Людмила увидела плотно задернутые светло-коричневые шторы и с раздражением затянула свою обычную песню.

– Ну и с кем ты здесь вчера развлекался? Хоть бы занавески утром отдернул...

– Забыл, – смеясь, отвечал Николай Николаевич, – ну забыл про шторы, забыл, а ты, как всегда, начеку... Глазастая ты моя.

Начальник властно притянул Людочку к себе.

– Вот хоть бы раз осталась со мной после работы. Ведь совсем свободного времени нет. Совсем... Работа... Мать ее...

– Вот и работай, – отстранилась Людочка, – а диван с начальником и без меня есть кому разделить... Тебе же все равно, с кем. И как... Лишь бы баба была... И не противно?

– Остынь, малыш. – Николай Николаевич чмокнул Людочку в заалевшую щеку. – Лучше у Валентины отчет июньский забери, что-то она там опять напортила.

– Отчет-то я заберу, только сколько можно за всеми исправлять и подчищать. Мне за это не платят. Я же всего лишь сек-ре-тар-ша.

– Любимая секретарша... Чувствуешь разницу?

– Ага, чувствую, – пробормотала Людочка, теребя край шелковой, давно не стираной шторы, – утром еще почувствовала, когда к конторе подъезжала и окошко твое занавешенное увидела... Так кто ж у тебя вчера оставался? Валька? Ну и гадина.

– Кто?

– Кто-кто... Она... Гадина... А ты – гад!!!

– Да успокойся ты... Если женщина просит...

– Ну, ну... Просит... Продолжай...

Людмила со всего маху шибанула дверь и выскочила в коридор.

– Люд, чего буянишь, ишь, раскраснелась... Ну прям солнышко красное... Начальник что ли обидел? А говорят, ты у него в любовницах ходишь.

Проходивший мимо Алексей, агент по снабжению, давно положил глаз на пышнотелую, разбитную и незлобивую разведенку.

– Не любовница, а любимая секретарша, – с вызовом повторила Людмила слова своего начальника, – чувствуешь разницу? Ступай, куда шел. На пятиминутку опоздаешь...

Пятиминутка, скрипя и пробуксовывая, подходила к концу.

– Цели намечены, задачи определены, – привычной шуткой завершил затянувшееся совещание начальник производственного отдела, – за работу, товарищи!

«Гарем», посмеиваясь и перешептываясь, потихоньку возвращался на боевые позиции.

– Валентина, – строгим голосом окликнул Николай Николаевич высокую, рыжеволосую красавицу, – зайди ко мне.

Та, не обращая внимания на завистливые, понимающие взгляды сотрудниц, приветливо улыбнулась начальнику,

хмыкнула и, вильнув широким задом, обтянутым светлым джерси, скрылась за дверью кабинета.

– Гадина, – прошипела ей вслед Людмила.

Да, не задался у Людочки сегодняшний день, не задался... Эти не задернутые шторы и разлучница Валентина с дурацким отчетом, затянувшаяся пятиминутка и вихрастый Алексей с его подначкой. И чего ходит... Улыбается...

Слезы наворачивались на глаза, горло стискивала жгучая обида, а сердце Людочки замирало от ревности и тоски. И весь день, как в тумане.

Но работа есть работа... Сжав зубы и скрепя сердце, Людмила полдня колдовала над отчетом, который запоролла новая фаворитка. Правда, забирая утром бумаги у рыжеволосой красавицы, Валентине все же нагрубилa. В конце рабочего дня заглянула в кабинет шефа. Швырнула папку с отчетом на массивный канцелярский стол, покрытый толстым матовым стеклом. Разноцветные маркеры, которыми Николай Николаевич любил чертить производственные схемы и графики, с веселым стуком скатились со столешницы на пол.

– Так тебе и надо...

Людочка снова шибанула дверь и, успокоенная, покинула стены любимой конторы...

– Вот, – Людмила аккуратно положила на стол начальника исписанный красивым мелким почерком белый лист бумаги. – Подпишите.

Внизу, чуть правее подписи, листок украшали несколько

маленьких расплывшихся темных пятен. Следы Людочкиных слез.

– Что это?

– Заявление. Я ухожу... Совсем.

– Сдурела что ли? Куда?

– Не знаю еще... Просто... Ухожу!

– Так, – пробасил Людочкин начальник, – бунт на корабле? Колись, что случилось?

– Случилось? Да ничего не случилось... Надоело... Видеть ни тебя, ни твоих девок больше не могу... Обрыдло все... Подпиши...

Николай Николаевич хмыкнул, взял ручку и бережно, стараясь не задеть темные пятнышки возле Людочкиной подписи, поставил свою.

– Ступай! Все равно никуда не денешься...

– Валюш, попробуй варенье. Брусничное с яблоками, – Людочка аккуратно разливала душистый, крепко заваренный чай в тонкие, почти прозрачные чашки, – и печенье бери, не стесняйся... Вкусное. Сама пекла.

Бывшие соперницы, случайно столкнувшиеся возле модного бутика, сидели теперь за небольшим столом на уютной, пахнущей сдобой и ванилью, стильно обставленной Людочкиной кухне. Сплетничали.

– Леш, – окликнула Людочка мужа, на минуту заглянувшего на кухню, – чай с нами пить будешь? С вареньем.

Алексей, на ходу чмокнув Людмилу в модно подстриженный затылок и смачно захрустев свежей печенюшкой, пробасил: «Спасибо, солнышко, вы уж тут без меня... А я поработаю еще немного...»

– Любишь его? – тряхнув рыжей, чуть тронутой сединой гривкой, шепнула Валентина.

– Люблю? – выдохнула Людочка. – Наверно, люблю... Хотя... Привыкла... Сидорова я любила... Сидорова... По-настоящему. Не как вы, «за банку варенья и пачку печенья...»

– Да ладно тебе... Варенье... Печенье... Мужик-то какой был... Эх! – Валентина повела все еще роскошными плечами. – Было время...

– Было... Это точно... Как он? Что? Не знаешь?

– А ты? Разве ничего о нем не слышала?

– Нет... Уволилась тогда, как отрезала...

– Женился Сидоров... Давно... Как только контору нашу разогнали, так сразу и женился.

– Да ты что... Женился? Охомутали все-таки... И кто ж та счастливица?

– Нинку из машбюро помнишь? Ну, мошь такая блеклая... Шепелявила еще немного... Глазки узенькие...

– Ой, глазки помню... И вправду, узенькие...

– Сидит теперь наш Николай Николаевич на даче, картошку с Нинкой выращивает. Огурчики. – Валентина отпи-

ла из красивой чашки глоток чая и зачерпнула из вазочки полную ложку варенья.

Людмила, задумавшись, старательно размешивала в чашке давно уже растворившийся сахар. Молчала.

Громко хлопнула входная дверь.

– Куда это твой Лешка, не попрощавшись, подался? – обиделась Валентина.

– Не переживай, прощаешься еще, успеешь. Минут через двадцать вернется, он за сыном в местный ДК пошел. – Губы Людочки растянулись в счастливой улыбке. – Наш Колька туда на бальные танцы ходит, на английский и рисование.

Ложку брусничного варенья до открытого рта Валентина так и не донесла. Поперхнулась.

Искусство кройки и шитья

Вот только и слышишь отовсюду: «Жди, надейся, все образуется, все еще будет. Придет и на твою улицу праздник... Будешь и ты счастлива». Ага, думаю, придет... Дождешься... Я этого счастья смолоду жду...

Замуж я рано вышла. Школу только закончила. Сразу же забеременела, родила. У меня два парня, погодки. Жили с мужем, как все: работали, праздники отмечали. По выходным в гости ходили, в кино. Редко, правда. Все-таки двое детей. Кормить, поить надо, воспитывать. Когда мальчишки стали взрослеть: девочками интересоваться, курить да выпивать пробовали, – муж сбежал. Не мог справиться с повзрослевшими детьми. Растерялся. Одна я за своих парней воевала. Сколько слез пролила, сколько раз сыновей из милиции вытаскивала – не счесть. А уж в школе просто дневала и ночевала. То к завучу меня вызовут, то к директору. Пришлось ребят в ПТУ отдать. Тогда там и стипендию платили, и обедами бесплатными кормили. Все мне подмога. Да и за детьми мастера присматривали. Не так, как в школе...

Чтобы выжить, открыла курсы кройки и шитья... Но поначалу желающих было мало. Никто не хотел учиться шить. Ведь время такое настало, что в магазинах и на рынке даже слона можно было купить, не то что платье готовое или юбочку какую-нибудь. Только бы деньги были. А потом, после

кризиса ко мне вдруг народ повалил. Женщины разного возраста и социального статуса: разведенки, одинокие матери, безработные.

И среди них один мужчина – Славик. Очень уж он хотел научиться шить рубахи и брюки. Не мог ничего подобрать для себя ни в магазине, ни на рынке. Фигура у него была нестандартная. Ноги короткие, сильные. Сам коренаст и широк в кости. Роста небольшого. Джинсы ему всегда приходилось не просто подгибать, а отрезать по длине, а в поясе, наоборот, расставлять. Вот он и пришел в наш полуподвал, где я за очень скромные деньги арендовала небольшую комнату для занятий. Странно и смешно было видеть этого взрослого мужика среди такого количества разношерстных, молодых еще баб.

Мои слушательницы все до одной на него запали. И не мудрено: на правой руке кольца у него не было. Сам он мужичок старательный, аккуратный, услужливый. Кому швейную машинку наладить, кому тяжелую сумку до остановки донести, а кому и по дому помочь – никому не отказывал. Мне даже ремонт на кухне сделать помог. Моих парней ведь не допросишься. С ремонта этого все и началось.

– Марусь, – говорил мне Славик, разглаживая воздушные пузыри под только что наклеенными обоями, – что ты одна мыкаешься? Ребята у тебя уже взрослые. Вон лбы какие вымахали, – кивал он на фотографию моих мальчишек, кнопками на стене пришпиленную. – Почему замуж не вы-

ходишь?

– Да за кого замуж-то... Всех уж разобрали давно... Вот разве что за тебя, – хохотнула я.

– Ну хоть и за меня... Я человек спокойный... Непьющий... Работящий.

– Да все вы непьющие, когда спите... А ты-то, ты почему один?

– А я и сам не знаю, один или не один. Ушел я от своих... Достали совсем... Замучили...

Я молча накрывала на стол. Поставила вазочку с карамельками, сушки. Тортик у меня припасен был. Вафельный. Заварила чай. Слушала...

Славик, оказывается, тоже рано женился. Как только вернулся из армии, так сразу и женился. Девушка, которая ему в армию писала, не дождалась солдатика, вот он в отместку и женился на разведенной соседке, на шесть лет старше себя. Взял ее с дочкой. Девчонка как раз в первый класс собиралась идти. Сейчас уже невеста. Ленивая, говорит. Такая же, как и ее мать. Был он для них и нянькой, и прислугой, и добытчиком. Жена не работала, дочь воспитывала. А он вкалывал. Нет, Славик не жаловался. Просто рассказывал, как есть. Но я поняла тогда, что тяжело ему, с нелюбимой-то. А человек он совестливый, вот и тянул лямку. Не бросал их. До поры до времени... Да, видно, выдохся...

Славик не спеша прихлебывал остывший чай, с шумом разламывал сушки, раскраснелся от воспоминаний. Взды-

хал. Жалко мне его стало. В тот вечер он у меня и остался. Благо, ребята мои в трудовом лагере были, деньги на музыкальный центр зарабатывали.

Эти три летних месяца стали самыми счастливыми в моей жизни. Все свободное время мы со Славиком проводили вместе. Я хоть и жила до замужества всего в нескольких километрах от славного города Владимира, в поселке с ущербным названием Бараки, но ездила во Владимир нечасто. Некогда было. А с мужем что: дом – работа; работа – дом; только иногда с детьми куда-нибудь выбирались. Да еще на рынок. Вот и все знание города. Со Славиком же мы все окрестности облазили, Владимиро-Суздальский заповедник вдоль и поперек исколесили. Успенский и Дмитриевский соборы вблизи рассмотрели, церковь Покрова на Нерли любовались, в Боголюбском монастыре побывали. В выходные до самого вечера на Клязьме пропадали. Купались, загорали, шашлыки жарили. А однажды даже в «Брайт-клуб» забрели. Шоу со стриптизом смотрели. Забавно было.

Но больше всего мне одна выставка понравилась, в Троицкой старообрядческой церкви, что рядом с Золотыми воротами находится. Особенно стенды мастерской «белой глади», да «владимирского шва». С ума сойти можно, как в старину белошвейки вышивали, какую красоту творили. Сейчас вряд ли кто так сможет. Вот бы попробовать. Загорелась я тогда.

А когда мы с выставки выходили, у Золотых ворот на-

ткнулись на веселую свадебную толпу. Там всегда молодожены фотографируются. Все нарядные, молодые, красивые. Невеста в воздушном, ну просто умопомрачительном кипенно-белом платье со шлейфом. Два маленьких мальчика и две крошечные девочки аккуратноенько поддерживали шлейф, чтоб не запачкался. Прямо как на картинке. На голове у невесты – веночек из мелких белых и кремовых розочек. Кажется, флердоранж называется. Перчатки длинные, до локтя. Туфли золоченые из-под платья выглядывают... Счастливая... Улыбается...

Позавидовала я тогда и шумной толпе, и молодости невесты, и ее свадебному наряду. Я, когда замуж выходила, сама сшила себе маленькое светло-голубое платьице, чтобы и после свадьбы его можно было носить, а не хранить как реликвию в шкафу. Позволить роскошное платье и шумную, многолюдную свадьбу родители мои не могли. Жили мы скромно. Одно слово... Бараки... Вы знаете, каково это живется, когда у тебя в паспорте, в графе «место рождения» написано: Бараки...

Вот и захотелось мне такой же пышной свадьбы и такого же платья со шлейфом. Затаилась я. Купила потихоньку от Славика материал и украдкой стала шить. Долго шила, наверно, месяца полтора. Лиф белой гладью вышила, бисером отделала. Совсем как в музее. А в тот день, когда свадебное платье было закончено и после последней примерки упаковано в чехол и спрятано в шкаф, позвонила его жена:

– Это вы – Маруся? Здравствуйте.

И такой грязью меня стала поливать, такие гадости наговорила... Вспоминать страшно. Материлась, проклинала, грозила. Я не знала, как себя вести, как реагировать на ругань, что делать. Только молчала в трубку и слушала противный, визгливый голос Славиковой жены. А у самой комок в горле застрял. Потом аккуратненько положила трубку на место и заплакала...

Вечером пришел Славик. Я уже совладала с собой. Ничего ему не сказала. Накормила ужином. Вместе посмотрели телевизор, мой любимый сериал про прокуроршу, которую Ковальчук играет. Спать стали укладываться.

Тут я ему и говорю: «Славик, а давай распишемся, свадьбу сыграем. Сколько можно в грехе жить? Я уже и платье свадебное сшила, красивое. Хочешь, покажу».

Славик будто окаменел. А потом откашлялся и говорит:

– Ну, что ты, какая свадьба... Я же и не развелся еще.

– Так разведись.

Славик замолчал, к стенке отвернулся и сопит.

– Вот что ты сопишь?.. Ты у меня уже почти три месяца живешь. Муж, не муж. Любовник, не любовник... Сожитель! А скоро мальчишки вернутся. Что я им скажу?

– Ну, не могу я развестись, – Славик вскочил с кровати и стал натягивать джинсы, – не могу...

Вот это кино, думаю... Развестись он не может... А голову мне морочить – может... Ночью про любовь говорить, раз-

ные слова ласковые шептать, руки целовать, грудь – может. И рубашечки, да трусы-шортики, которые я ему понашивала, носить тоже может. А развестись – нет, не может.

– Не могу, – обреченно повторил Славик, – она сказала, что убьет тебя...

Я даже не испугалась.

– Где ж она у тебя три месяца-то была, почему до сих пор не убила?

– У матери, в деревне гостила. С дочерью. Там молоко, яйца свежие, воздух...

– Ну, конечно, – вспылила я, – а мне свежий воздух не нужен. И молоко свежее, и яйца... Я и так проживу... И мужика мне не нужно... А она от забот отдохнула, вернулась, и муж к ней под бочок, обстиранный да ухоженный. Туалетной водой благоухает.

Славик молча собирался.

– Куда ты? К ней?

Славик в ответ только рукой махнул, потом сказал: «Пойду я», постоял на пороге, вздохнул и ушел...

И вот уже полгода от Славика ни слуху, ни духу. Не звонит, на занятия не приходит. И жена его в эфире больше не появляется. Значит, к ней и вернулся...

А платье мое, роскошное, свадебное, гладью вышитое, так и осталось висеть у меня в шкафу. Дождаться неизвестно чего.

Весна в Архангельском

Травмированная в молодости спина болела нещадно. И ни таблетки, ни растирания уже не помогали. Маринка, соседская девчонка, первокурсница мединститута, пытаюсь облегчить мои страдания, приволокла откуда-то разогревающую мазь для лошадей и пыталась меня «реанимировать».

– Тетя Люба, это точно поможет, – приговаривала, старательно массируя мою измученную спину, будущая медичка. – У нас на курсе все ребята ею пользуются. Супер! Заживает все быстро, как на собаке... Ой, – хохотнула Маришка, – как на лошади... Правда...

Да, на собаках и лошадях, может, и заживает. Но мне, чувствуя, без врача уже не обойтись. Маринка набрала 03 и побежала на кухню готовить чай. Ловко у этих молодых все получается: спину натерла, скорую вызвала, чай заварила. Даже печенюшек каких-то напечь успела, пока мы скорую дожидались.

Немолодой фельдшер, поминутно чертыхаясь и проклиная московские пробки, снегопад, как всегда, «неожиданно» обрушившийся на город, и наш неработающий лифт, вколлот мне лошадиную дозу обезболивающего и, потрепав по щеке выбеленной от частого мытья рукой, изрек: «Любить себя надо, милочка, любить... – Потом, поразмыслив немного, добавил. – В больницу поедете? Хорошо бы блокаду сде-

лать...»

В больницу я не поехала. Боль потихоньку отступала, и я, обессиленная и несчастная, наконец-то заснула.

Разбудила меня все та же Маринка. Она долго гремела в коридоре ключами, пытаясь справиться с моим непокорным замком. Потом, просунув в приоткрытую дверь стриженную под панка голову, промурлыкала.

– Тетя Люба, не говорите, пожалуйста, маме, что я вчера в институт не ходила... А то опять она мне мозг выносить будет... Она в обед к вам зайдет, покормит и все такое... А я побегу, на первую пару опаздываю...

Дождаясь Наталью, Маришкину маму, я вновь и вновь прокручивала в голове наш последний разговор с Вадимом. Его изощренную ложь и равнодушную жестокость. Десять лет счастья, любви и ревности оставались в прошлом. Ох, права была Наталья, развенчивая миф, созданный мной о Вадиме и о наших с ним отношениях.

– Что ты с ним носишься? – зудела соседка. – Другой бы давно уже предложение сделал... А этот что? Пришел на все готовенькое... Ему здесь и стол, и кров... И все остальное... Конечно, творческая личность... Его лелеять надо... Голос беречь... Форму поддерживать... А то, что ты свою карьеру из-за него под откос пустила, – это как?

Злобную Наташкину тираду я всегда выслушивала молча, снисходительно. У нее-то точно жизнь не удалась. С Маришкиным отцом она развелась почти сразу же после родов.

Разовые любовники долгой памяти о себе не оставляли... А иные и сами исхитрялись прихватить что-нибудь на память. И растворялись потом, как соль в супе.

– Какая любовь? – смеясь, повторяла Наташка. – Удовлетворение половой потребности, исключительно здоровья ради. Нету этой любви, нету, и никогда не было.

Это у нее, может, и не было, а я любила Вадима. Любила по-настоящему... Боготворила... И его, и его голос... Жить без него не могла... А он, наплевав на нашу десятилетнюю лав стори, совершенно спокойно и почти без объяснений ушел от меня к молоденькой избалованной дочери новоявленного газового магната...

– Привет, подруга! – прошебетала вошедшая соседка. – Чего дверь нараспашку? Кого ждешь? – И, учуяв приторный запах Маришкиных духов, добавила. – Моя свиристель заходила? Опять, наверно, институт прогуливает. Вот безалаберная девка! Ну вся в меня...

Я рассмеялась сквозь слезы. Простая она, Наташка, хорошая. Не предаст, не подведет. Поможет. Она как раз из тех баб, кто и в избу горящую войдет, и коня остановит на скаку. Настоящая.

– Так, – продолжала соседка, шаря под кроватью в поисках тапочек, – в больницу ты не поехала, лошадиной мазью сегодня не натиралась, врача из поликлиники не вызывала... Тогда вставай... Здорова... И хватит по Вадиму сохнуть.

Наташка помогла мне подняться. Боль, и вправду, отпу-

стила. И спину я разогнула, даже смогла до кухни докостылять, чай заварить.

– Тебе, подруга, нужно что-то в жизни менять, – поучала меня соседка. – Например, как говорят французы, купить новую шляпку... Или мужика нового завести... Роман закрутить, чтобы всем чертям тошно стало... А знаешь что, – Наташка слегка запнулась, – давай-ка отправим тебя за границу... На воды.

– Зачем на воды, – удивилась я, – у меня же не печень болит, а спина.

– Да это я так, прикалываюсь. Отдохнуть тебе нужно.... От мужа своего несостоявшегося... Подлечиться... Может, в санаторий поедешь? Куда-нибудь недалеко. Я бы тебя навещала.

Мы стали придирчиво перебирать подмосковные санатории. И чтобы действительно недалеко было, и чтобы номер одноместный, и лечение нормальное, да и контингент приличный.

– Знаешь что, – глаз у Наташки загорелся, – поезжай-ка в Архангельское. Найдешь там себе отставничка моложавого... Генерала... Враз забудешь своего Вадима.

– Ага, дожидаются меня там генералы... Спину бы подлечить...

Но Наталья была настроена решительно, и вот я уже медленно бреду по ухоженным дорожкам старинного Юсуповского парка. Спина почти не болит, и я радуюсь весеннему

солнышку и легкому ветерку, гомону птиц и первым, липким еще листочкам каштанов и кленов. Да, Архангельское недаром называют русским Версалем. На крутом, высоком берегу Москвы-реки вольготно раскинулся великолепный архитектурный ансамбль с липовыми аллеями, умело подстриженными газонами, парковыми скульптурами. В голове промелькнуло:

*В Архангельском сады, чертоги и аллеи,
Как бы творение могучей некой феи...*

Пока я вспоминала забытые строчки, мне навстречу из заросшей Аполлоновой рощи вышла немолодая уже, но, судя по всему, счастливая семейная пара. Высокий стройный мужчина трогательно поддерживал за локоток свою спутницу, грузную седую женщину. Они, мило улыбаясь друг другу, тихо переговаривались, изредка поглядывая на небольшую толпу, оживленно беседующую возле стеклянного бювета в ожидании своей порции кислородного коктейля и стаканчика теплой минеральной воды. Надо сказать, довольно противной. С трудом влив в себя этот «живительный напиток», я не спеша отправилась на обед.

Огромная светлая столовая была наполовину пуста.

– «Не сезон», – проронила диетсестра, указывая на мое место возле большого, завешенного легкой шторкой окна, где я и в самом деле оказалась за столом рядом с бывшим

генералом. Этот замшелый отставник весь заезд мучил нас рассказами о своих болезнях и постоянно брюзжал, вспоминая «ненавязчивый» советский сервис.

Пара, которая еще перед обедом привлекла мое внимание, оказалась за соседним столиком, наискосок, и мне хорошо были видны и посеребренные виски моложавого, не старого еще мужчины, его красиво очерченный рот, и большие, удивительно ясные глаза. И ел он как-то красиво, неторопливо и обстоятельно, будто выполнял нужную и полезную работу. Наблюдать за ним было одно удовольствие. Мой Вадим, вечно куда-то спешащий, проглатывал свой обед на ходу, не различая ни вкуса, ни запаха.

На третий день моего пребывания в Архангельском я вдруг стала замечать, что, собираясь в столовую, особенно тщательно «навожу красоту»: аккуратно подкрашиваю ресницы, тщательно причесываюсь и даже, чего раньше за мной не водилось, старательно подбираю одежду к завтраку, обеду и ужину. А вот объект моего внимания, хотя на входе в столовую и висело грозное объявление: «В спортивных костюмах вход строго воспрещен», всегда появлялся в ослепительно белом, тщательно выглаженном спортивном костюме. И костюм этот смотрелся на нем изысканным вечерним туалетом: смокингом или фракком.

Супруга «моего генерала» (так я окрестила высокого стройного незнакомца), так же, как и я, переодевалась и меняла прическу по несколько раз в день. Утром ее небреж-

но подобранные седые волосы стягивала забавная резинка с зайчиком, в обед голову немолодой женщины украшал скромный маленький пучочек, а вечером почти восковое лицо с сеточкой мимических морщин обрамляли локоны распущенных по плечам волос. Чем пристальнее я вглядывалась в «генерала» и его супругу, тем беспокойнее и тревожнее мне становилось. Что-то неуловимое в облике мужчины, непонятное и смутно-знакомое не давало покоя, заставляло меня подолгу исподтишка наблюдать за ним.

Как-то после ужина, на котором мой незнакомец появился почему-то без жены, я столкнулось с ним возле клуба нос к носу и, опешив от неожиданности, выпалила:

– А вы почему один? Такой хороший концерт заявлен. Говорят, совершенно замечательные молодые артисты приехали.

– Внук не вовремя заболел, а дочери в командировку срочно понадобилось, – проворчал «генерал», – вот супруга в няньки и подалась.

Он посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом, а потом, улыбнувшись чему-то, вымолвил:

– Может, составите компанию? Не люблю одиночества.

– С удовольствием, – проямлила я, зардевшись.

Мы сидели в полупустом зале санаторного клуба и слушали удивительные голоса молодых талантливых певцов. Весь концерт я тихо проплакала, вспоминая нашу с Вадимом жизнь, его бархатный голос, сильные руки и скверный харак-

тер. Как я целых десять лет могла мириться с его хамством и самовлюбленностью, почему позволяла унижать себя, понять до сих пор не могу.

Георгий, так, оказывается, звали моего неожиданного спутника, искоса поглядывал на меня и сочувственно улыбался.

– На вас так музыка действует? – спросил он шепотом, а потом вдруг взял мою руку и поцеловал ее, едва касаясь теплыми, сухими губами. – Не печальтесь, все у вас будет хорошо.

Руку я не отдернула, а Георгий весь вечер так и держал ее в своей, будто боялся, что я встану и убегу.

Следующий день мы провели вместе: сидели рядом в полумраке соляной пещеры, плавали в бассейне, пили противную минеральную воду, спускались к Москве-реке. Немногочисленные обитатели санатория осуждающе провожали нас взглядами, шушукались за спиной. А мне было легко и просто с Георгием, спокойно, и даже скорое возвращение жены меня ничуть не смущало. Беспокойство и тревога улетучились, будто их никогда и не было.

Близилось 9 Мая, праздник Победы, который в военном санатории отмечался особо. Накануне вечером мы с Георгием долго сидели в небольшом, уютном кафе на территории санатория и даже не пошли на ужин. Потом гуляли по притихшему, наполненному весенним ароматом парка, наслаждались легким ветерком и пением птиц. Георгий, как на-

стоящий экскурсовод, рассказывал про Юсуповых, Голицыных, про историю усадьбы, про сегодняшние ее проблемы. Но меня ни о чем не спрашивал и о себе ничего не рассказывал.

Ночью, ворочаясь в постели и не в силах уснуть, я мысленно пыталась представить себя рядом с Георгием, будто я, молодая и красивая, его жена, а не та грузная и седая женщина. Под утро, утомленная борьбой с бессонницей, все же уснула. Сон, переплетаясь с явью, причудливо закручивался вокруг санатория, соляной пещеры, неудавшегося замужества, моего детства и несостоявшейся карьеры балерины.

Снился мне мой детский дебют на сцене военного училища, когда мы, худенькие первоклашки, делали свои первые шаги в балетной школе. Мы танцевали сон Мари из «Щелкунчика», а потом выпускники училища, молодые лейтенанты одаривали нас игрушками, книгами и награждали почетными грамотами. Мне досталась не Барби, о которой я так мечтала, а большая, тяжелая книжка с фотографией Майи Плисецкой на обложке.

Высокий стройный юноша в белом кителе с лейтенантскими золотыми погонами, с кортиком на золоченом ремешке, протянув мне книгу, проговорил напутственно: «Вырастешь, станешь такой же красивой и известной, как Майя Плисецкая». А потом, приподняв и притянув меня к себе, поцеловал в щеку.

Забившись куда-то в уголок, я долго переживала этот по-

целуй и, набравшись, наконец, смелости, вошла в зал, где новоявленные лейтенанты вальсировали по случаю выпуска с приглашенными девушками из педагогического института. С трудом отыскав юношу, подарившего мне книгу, я, смущаясь, протянула ему маленький брелок. Это был ширпотребовский пластмассовый олимпийский мишка с обломанным ушком. Ничего другого в ответ на его подарок у меня не было.

– Возьмите, – прошептала я чуть слышно, – только, пожалуйста, не потеряйте... Это талисман... Он удачу приносит...

Помню, много лет мечтала я о том, как вырасту и пройду с этим лейтенантом из военного училища под ручку по центральной аллее городского парка, где по воскресеньям весело и шумно играл духовой оркестр. «Мечты, мечты, где ваша сладость?»

Давно я не просыпалась в таком хорошем настроении и с улыбкой. Надо же, какой сон!

Девятого мая в клубе санатория намечалась торжественная встреча с ветеранами, а потом концерт и танцы. После ужина я медленно прохаживалась по липовой аллее в ожидании Георгия. Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Оглянувшись, увидела перед собой высокого, незнакомого генерала, на груди которого красовались Звезда Героя России и какие-то неизвестные мне ордена и медали.

– Боже мой, Георгий, вы? – я не знала, куда деваться

от удивления и смущения.

– Пойдемте, Любаша, опаздываем. – Голос генерала звенел металлом. – Начальство санатория выступить попросило.

Торжественная часть и концерт с поздравлениями, пожеланиями и подарками ветеранам закончились довольно быстро. Бравые отставники, блестя звездами, медалями и старческими лысынами, потянулись в танцевальный зал.

– Потанцуем? – призывно улыбнулся Георгий.

– Непременно, – подхватывая веселый настрой Георгия, ответила я.

Мой генерал осторожно кружил меня под звуки медленного, удивительно красивого танго.

– «Маленький цветок», – шепнул Георгий и властно притянул меня к себе, – мелодия моей юности.

Я почувствовала легкую дрожь, пробежавшую по его телу, и волна желания захлестнула меня.

– Пойдем к тебе, – голос генерала сорвался, – пойдем...

До моего номера мы почти бежали. Молча, не спуская друг с друга глаз, стремительно раздевались. Его сухие губы буквально впились в мой полуоткрытый рот, горячие руки ласкали обнаженное тело.

– Милая, – только и смог проронить Георгий...

...Такого наслаждения я не испытывала никогда в жизни. Мы лежали рядом, обнаженные, обессиленные. Георгий целовал мои влажные от слез ресницы и что-то шептал несвяз-

ное. А я все рассказывала и рассказывала ему о себе, о своей нескладной, не сложившейся жизни, о загубленной карьере.

– Бедная моя девочка, бедная...

– Останешься? – с надеждой взглянула я на Георгия.

– Нет, прости, не привык просыпаться в чужой постели. –

Георгий поправил сползшее одеяло и нежно поцеловал меня в щеку. – До завтра, малыш.

Завтрак я, конечно, проспала. Солнечный зайчик, разбудивший меня, скользнул по подушке и растворился в воздухе. Вставать не хотелось. Но сознание того, что возле бювета меня ждет Георгий, заставило подняться и отправиться в душ. «Господи, как же хорошо, – подумала я, подставляя спину под упругие струи прохладной, освежающей воды, – как хорошо».

В столовой и возле бювета Георгия не оказалось. Постучаться в номер генерала я почему-то не решилась и, обеспокоенная, спустилась к дежурной медсестре. Приветливая девушка, которая две недели назад, получив от Наташки лишнюю тысячу сверх стоимости путевки, устроила меня в номер подальше от лифта, на мой вопрос о Георгии с лукавой улыбкой ответила:

– А к нему жена приехала, они после завтрака номер сдали и укатили в Москву. Наш водитель их и отвез.

Потом, внимательно посмотрев на меня, спросила:

– А вы не из триста шестого номера?

– Из триста шестого...

– Вам просили передать.

Милая девушка, не скрывая своего любопытства, протянула мне блестящий маленький подарочный пакетик.

С трудом справившись с волнением, я заглянула внутрь. На мою вспотевшую, холодную ладонь выпал пластмассовый олимпийский мишка с обломанным ушком.

Мы странно встретились и...

Капелька за капелькой, сливаясь в тоненький, прозрачный ручеек, с крыши стаивал снег.

Она вглядывалась в окна противоположного корпуса и все пыталась понять, что же случилось. Почему так неожиданно, молниеносно и так странно произошло то, что произошло... Только вчера она скользила по мягкой, еще не раскатанной лыжне, подставляя лицо свежему декабрьскому ветру, а неяркое зимнее солнце, отражаясь в каждой снежинке маленьким лучиком, вселяло в нее уверенность и дарило надежду. А сегодня серые тучи затянули небо, и радостное настроение улетучилось.

И лишь тихий звон: кап... кап... кап... – напоминал о вчерашнем дне, полном неожиданно свалившимся на нее счастьем и любовью... Счастьем? Любовью?

Татьяна

– Эдуард, предприниматель, – так церемонно представилась ей молодой красивый шатен в некогда модном укороченном пиджаке. Он подсел к ней перед ужином и весь вечер развлекал анекдотами и байками, а утром постучал в ее номер и пригласил на лыжную прогулку. Она удивилась приглашению, стушеввалась, ведь познакомились только вчера

вечером.

Лишь вчера, выпросив у старшего брата разрешение пожить несколько дней в забронированном им номере элитного пансионата, она вся в слезах примчалась сюда после злосчастного новогоднего корпоратива, которого так ждала и который неожиданно закончился безобразным скандалом...

После глупой, нелепой ссоры с Алексеем, случившейся накануне, она все еще надеялась помириться с ним, но как себя вести и что для этого предпринять, Татьяна не знала. Она решила, что на корпоративе все само собой образуется, утрясется, ведь не первый раз ссорились: обиды утихнут, и Алексей, как прежде, будет с ней улыбочив и нежен.

А он в отместку за обиду весь вечер провел с рыжеволосой Ленкой из отдела рекламы. Они то зажигательно отплясывали энергичную румбу, то сливались в страстном танго, то нарочито весело, уединившись за угловым столиком, громко обсуждали танцующие пары. Татьяну Алексей не замечал. Умел он, незаслуженно обидев и наговорив грубостей, в ответ на ее обиду обидеться сам. Не разговаривать по несколько дней, не звонить, не замечать... или делать вид, что не замечает.

Татьяна молча сидела в сторонке, жевала плохо прожаренный эскалоп, запивая его французским сухим вином. Ни вкуса мяса, ни вкуса изысканного вина она не чувствовала. Лишь горечь от несбывшихся надежд и вчерашней ссо-

ры сглатывала она с плохо жующегося мяса.

«Да пошел он...» – мелькнуло в затуманенной голове.

Нетвердой походкой она подошла к столику, где, будто голубки, ворковали Алексей и ее удачливая соперница. Пробормотав что-то обидное в адрес этой ярко раскрашенной под сиамскую кошку Ленки, она опрокинула со стола сервировочную посуду с остатками закусок и питья. Весело звякнули, разбившись о пол, стеклянные рюмки и фужеры. Радужные ручейки дорогого вина разбежались по белоснежной скатерти в разные стороны.

– Счастливого Нового года! – с поддельным пафосом произнесла Татьяна. – И все той же нетвердой походкой, но с гордо поднятой головой покинула надоевший корпоратив...

А потом она долго плакала в дамской комнате, размазывая по лицу изображение прелестной лани, модную «фишку» известного мастера бодиарта.

Ей было страшно...

Алексей

Вдруг заболелась левая рука, боль пронзила, отозвалась давно забытыми ощущениями, он знал эту боль, испытал давным-давно, в детстве, когда однажды, уезжая с дачи, засунул в розетку мамину шпильку. Сейчас, как и тогда, его отбросило назад, скрючило от боли. Потом боль проникла

глубже, разлилась по груди, спустилась к самому желудку, и вся левая сторона заныла, зашлась от тоски и боли. Рука онемела, и волной накатила липкая тошнота.

«Я умираю, – мелькнула и затерялась где-то в подкорке страшная мысль. – Нет, от любви не умирают, это все литературщина, выдумки „инженеров человеческих душ“, все неправда, глупости. Любовь – смерть; смерть – любовь. Нет, не умирают от любви, не умирают... Блеф...»

Он расстегнул верхнюю пуговицу модной рубашки, ослабил галстук. Попытался вздохнуть полной грудью. Не получилось... Сердце глухо отстукивало секунды и минуты, а в голове, не находя ответа, все роились и путались вопросы: где она сейчас? С кем? Куда подевалась? Устроила в ресторане скандал, убежала, телефон выключила... Девчонка, глупая девчонка...

Телефон Татьяны весь вечер молчал, зато эта прилипчивая Ленка все названивала и названивала... Дура! Расщепалась: «Какой ты классный! Как танцуешь... А целуешься...»

Алексей в сердцах швырнул трубку. Вмятина на стене отозвалась укором, а блестящий корпус новенького смартфона развалился на две почти одинаковые половинки. И зачем нужно было флиртовать с этой курицей на глазах у Татьяны. Позлить хотел? Мальчишка! Дурак!

Боль снова накатила волной, в глазах потемнело.

Она все утро бродила по заснеженному, запущенному парку пансионата. Тучи потихоньку рассеивались, и сквозь листву вековых деревьев пробивалось неяркое декабрьское солнце. Оно робко отражалось в куполах небольшой нарядной церкви из белого камня. По вычищенной от снега узкой тропинке Татьяна подошла к самой ограде. Постояла на ступеньках. Вздохнула... Нет... Не войти... Что-то мешало, останавливало. Побродила возле, обошла со всех сторон. Задумалась: восстановленная или новодел? Странно, что сейчас ее именно это волновало, а не то, что там внутри, за массивными кирпичными стенами. Иконы. Свечи. Люди с преклоненными коленами. Молитвы...

Татьяна не была воцерковленным человеком и воспринимала церковь лишь как элемент культуры: живопись, архитектура, история. Это было ей интересно, и это привлекало ее внимание. Но сегодня что-то призывное, властное тянуло внутрь, в прохладную тишину сводов, в сумрак церковного придела. Стены, освещенные лишь слабо горящими свечами, иконостас, Царские врата...

Она вспомнила родителей, деда, бабушку. Семейные праздники, когда за столом собиралась вся их большая семья... Новый год и Масленица, Праздник Пасхи... Как она любила в детстве эти воскресные домашние посиделки. Суматоха и предпраздничная суета, нарядный стол, уставлен-

ный красивой посудой с мамиными разносолами. Бабушкины пироги и куличи; яйца, крашеные в луковой шелухе и цветных нитках...

Воспоминания остановили на пороге. Слезинки набежали и затаились в краешках прозрачных ярко-голубых, блестящих на солнце глаз. Деда и бабушки давно уже нет, а без них вся большая и дружная семья распалась, рассыпалась, разбрелась... И никто уже не печет таких пышных блинов и пирогов, и потерял бабушкин рецепт куличей, и встречаются теперь лишь по поводам грустным и неотвратимым...

Эдуард

Он еще осенью забронировал здесь трехместный люкс на всю семью, а приехал один, без жены и сына. Глупая ссора, впервые за семь лет такая серьезная. Видно, правы психологи: седьмой год в семейных отношениях – самый сложный и уязвимый. А здесь еще и неприятности на работе, и проблемы со здоровьем, и раздрай с родственниками из-за дедова наследства.

– Ты не умеешь зарабатывать деньги, – тихо, чтобы не разбудить Гошку, шептала жена, – ты неудачник, лох... И с дедом не смог договориться... Тряпка...

Эдуард молчал и, давясь пересоленным борщом, молил лишь об одном: «Господи, образумь ее, пошли ей покой и хоть чуточку доброты. Лучше бы кричала, била тарелки,

громила мебель, а не шипела бы, как змея...»

Ее шепот выводил из себя, застревал в голове множеством маленьких, острых заноз, мешал сосредоточиться. Швырнув в сердцах ложку, он выскочил на улицу...

Татьяна

Странное у него имя, необычное, Эдуард... Татьяна произнесла его вслух, по слогам. Причмокнула... Будто леденец во рту...

Разве тридцать лет назад мальчиков так называли? Все больше Денисы, Алексеи, Кириллы... Она перебирала в уме имена мальчишек-одноклассников, сокурсников, друзей. Ей хотелось спрятаться за этими воспоминаниями, забыть скандальный корпоратив и вчерашнюю лыжную прогулку, и то, что за ней последовало...

Почему она так легко, вдруг, согласилась подняться к нему в номер. Назло Лешке? Отомстить хотела? А отомстила себе. Грустно все это и тоскливо. Нельзя так. Неправильно... Невозможно...

Но ведь вчера это было таким настоящим, даже правильным. Подарком судьбы. Было или казалось? Она зажмурилась, вспомнив его руки, прикосновения, взгляд. Он обволакивал, завораживал, заставлял замереть. И улыбка его грустная, лишь краешком рта. И глаза потухшие и будто в себя повернуты. И тоже грустные. И его слова, и ее открытость,

и какая-то щенячья нежность. Восторг...

Слезинки высохли, так и не пролившись.

Алексей

Скорая приехала быстро. Врач долго мерил давление, мля живот и все причитал и причитал, будто старая бабка, натыкаясь заплетающимся языком за плохо подогнанные зубные протезы...

– Да, молодой человек, все плохо... Плохо... Будем в больницу собираться.

– В больницу? Зачем? Все так серьезно? – испугался Алексей.

– А вы как думали? С поджелудочной шутить нельзя!

– Что!? С какой поджелудочной?

– С обычной, голубчик, с обычной! Пить надо меньше, молодой человек. И жирное исключить...

Доктор неторопливо собирал укладку... Потом долго звонил по телефону и выписывал наряд на госпитализацию.

– Телефон с собой можно? Книгу?

– Да хоть подушку с одеялом... Собирайтесь, молодой человек, собирайтесь...

Эдуард

Какая смешная девчонка, эта Татьяна... Неуклюжая... На лыжах катается, как маленький слоник, ноги разъезжа-

ются в разные стороны, палки – в стороны, шапка с помпоном – в сторону. А сама сосредоточена, будто на ответственном совещании. И не улыбнется ни разу.

А как легко согласилась подняться к нему в номер... Ножка на ножку... Туфельки-лодочки... Необязательный разговор, и вдруг искорки в грустных, каких-то потухших глазах. Выпила шампанского... Улыбнулась... Улыбка хорошая. Открытая...

Она стояла под прохладными струями бодрящего душа, ничуть не смущаясь его присутствия. Хвоинки запутались в мокрых прядках рыжих, крашенных волос... Капельки воды блестели меж маленьких упругих грудей. И бледно-розовые соски...

– Еще шампанского?

– Нет, спасибо, немного сока.

Налил сок. Подошел к окну. Подергал фрамугу. Туда-сюда... Туда-сюда... Шнур зацепился за полированную ручку оконной рамы. Не распутать...

Закурил.

– Не курите, пожалуйста, – она запнулась, – не кури.

Утонула в кипенно-белом, мохнатом халате. Смешная...

Смял сигарету...

Татьяна не спеша одевалась.

– Я пойду, – то ли спросила, то ли поставила в известность.

– Погоди...

Воспоминания прошлой ночи не отпускали: Татьяна, милый, смешной ребенок, вернувший его к жизни...

Татьяна

Рядом с церковной калиткой резвилась стайка детей – трое прелестных маленьких галчат под присмотром пожилой, закутанной в темную шаль женщины. Она тихонько урезонивала расшалившихся малышей, пулявших снежками в стоявшего поодаль снеговика. Татьяна исподтишка наблюдала за ними.

«Совсем как мы с братьями», – улыбаясь, подумала она и вновь окунулась в воспоминания детства. Новый год с красиво упакованными подарками под нарядной елкой, ледяная горка возле дома и такой же смешной снеговик с красным морковным носом...

Удивительно, но за эти несколько дней она ни разу не вспомнила Алексея...

– Что, милая, призадумалась? – окликнула Татьяну пожилая женщина.

А потом, приоткрыв церковную калитку, тихо позвала: «Входи, не бойся!»

Эдуард

Он сидел в машине, положив руки и голову на руль, совсем как Ефремов в «Трех тополях на Плющихе». Мотор по-

держанной иномарки потихонечку урчал под капотом.

Что делать? Вернуться в пансионат, к этой девочке с грустными глазами или домой, в налаженный быт родного дома, к жене, сыну... Нет, невыносимо... Невыносимо постоянно слушать упреки и этот тихий, змеиный шепот. И ее отговорки о вечно больной голове...

А Гошка? Он в чем виноват? Совсем взрослый стал, все понимает и, бедный, мечется между матерью и отцом. Заглядывает в глаза. Переживает. В школу собирается в новом году. Жена уже и гимназию присмотрела, с математическим уклоном, в самом центре Москвы...

Мысли путались, цеплялись одна за другую: жена – Гошка – Татьяна – дедово наследство и финансовый кризис, враз изменивший такую размеренную, налаженную жизнь... И змеиный шепот некогда любимой жены...

Какая-то сила заставила его выйти из машины. Он шел к небольшой нарядной церквушке, которую еще вчера старательно обходил стороной, не решаясь или не желая туда войти.

В церкви было тепло и сладко пахло отгоревшими свечами. Справа от амвона он увидел маленькую, какую-то сиротливую фигурку в вязаной шапочке со смешным помпоном. Татьяна стояла напротив иконы, держа в руках зажженную свечу, и что-то шептала, обращаясь то ли к себе, то ли к укоризненно глядевшей на нее Богоматери...

Жить не страшно

Мне хотелось бежать... От нескончаемого шума машин, от толкотни в метро, от навязчивых друзей и разговоров. От суеты и постоянного страха за детей, внуков, мужа... Бежать... Бежать... Бежать...

Город обступал со всех сторон, надвигался громадой новостроек, эстакад, развязок. Город-монстр. С улицами-щупальцами, языками переулков, вставными зубами заборов и незрячими глазами фонарей.

Многотысячная толпа надвигалась на меня, не давая возможности защититься, вздохнуть полной грудью. Обезумевшие люди с пустыми глазницами и искривленными ртами, изрыгающие проклятия и угрозы, навалились на меня всей своей уродливой массой, пытаюсь раздавить, прижать к парапету моста, сбросить вниз, туда, в черную омерзительную жижу: реку, бывшую когда-то прозрачно-чистой, стремительной и прохладной.

Вонь и удушливый запах обволакивали. Многоголосая, многорукая людская масса приближалась все ближе и ближе, накатывала на меня, дразня и улюлюкая. Я задыхалась. Сквозь гул и шум уже явственно различались отдельные слова и звуки. Чужая речь, незнакомые запахи, смрад надвигающейся лавиной толпы. Она приближалась, просачивалась сквозь меня. Гул нарастал.

Вот уже совсем рядом чей-то искривленный в страшных ругательствах рот, рука, занесенная надо мной, истощный вой, вырвавшийся откуда-то из самой глубины толпы, глаза, горящие яростью и гневом. Все... Сейчас меня раздавят, расплющат, уничтожат.

Я кричу, мой голос летит над толпой, сливается с ней, и вот уже я – часть этой толпы; в руках камень. Несусь, ору вместе со всеми. Я – толпа. Гогочущая, смрадная, угрожающая, вонючая. Парапет моста отодвигается в сторону, я взмахиваю руками и... просыпаюсь.

Сердце бешено колотится, во рту пересохло, мокрая от пота ночнушка прилипла к телу – не отодрать... Что это? Что со мной? Откуда такой ужасный, удушающий сон... Давление? Температура? Страх?

Глоток воды из замысловатой чашки, поставленной с вечера заботливым мужем, лишь оттенил горечь и сухость во рту. Голова тяжелым колоколом свесилась на подушку. В висках стучит, ухает, пульсирует густая, тягучая кровь. Хочется открутить, отвинтить, снять эту пустую, тяжелую, никому не нужную голову и аккуратно уложить рядом, чтобы не мешала. Не мешала жить...

Распластанное тело не подчиняется, руки налились свинцом, ноги похолодели... И спина... О, эта спина... Боль во всем теле сковала, пришила меня к кровати. Встать не могу... И лежать уже невыносимо...

– Стас, – позвала я мужа, – Стас!

Взгляд его испуганных глаз полоснул по лицу, и я вновь провалилась в тяжелый, сумрачный, такой страшный сон...

...Врач на кухне о чем-то тихо разговаривала со Стасом. Потом долго названивала по телефону. Сквозь неплотно прикрытую дверь до меня доносился ее спокойный, сдержанный голос: «Да... Женщина... Сорок семь лет... Криз... Тяжелый... В какую? Далековато... А ближе? В коридор?!»

– Нет, не надо в больницу, – прокричала я в глубь квартиры, – не поеду!

– Больная наша очнулась, – вошедшая в спальню врач осторожно, будто ребенка, взяла меня за руку, нащупала пульс. Погладила по щеке. – Вот и порозовела уже. Молодец!

Постепенно ко мне возвращалось сознание. Страх не было. Лишь озноб колкими, противными мурашками расползался по всему телу, и зуб не попадал на зуб.

Робко, как-то боком, вслед за докторшей просочился муж. Потрогал лоб. Присел на краешек кровати. Улыбнулся:

– Ты как? Говорить можешь?

Я кивнула.

– Что со мной?

– Не шевелись, сейчас фельдшер поднимется, отнесем тебя в машину.

– В больницу не поеду! – твердо произнесла я.

– Ого, бунт на корабле, – доктор привычным движением оголила мне руку, перетянула жгутом и ловко вколола в вену какую-то гадость.

– Еще один укольчик... Это поможет... Обязательно...

Посидела рядом, померила давление и, внимательно изучив мои расширенные от испуга и боли глаза, изрекла:

– Угроздило же вас под Новый год с кризом свалиться! Сейчас в больнице только дежурные врачи остались, персонала никакого, а вам постоянный уход нужен, покой...

И тихо добавила что-то важное, сокровенное, предназначенное только мне одной.

А потом, обратясь уже к Стасу, строго произнесла:

– Пишите отказ и от жены не отходите, я на завтра актив в поликлинику передам, уколы начнут, а лучше – капельницы... Но это дорого... Сможете заплатить?

Стас кивнул, а я закрыла глаза и вновь провалилась в сон...

...Муж сказал, что проспала я почти сутки. Иногда, просыпаясь, звала его, просила пить. Он подходил, аккуратно проводил своей теплой рукой по моему бескровному лицу, поил через соломинку, вздыхал. Успокоенный, возвращался к своему компьютеру.

Я оставалась одна, наедине со своими мыслями и так неожиданно свалившейся на меня болезнью. Перебирала в памяти наши даты, события, непростые, неровные отношения. Пыталась понять, откуда, из какой глубины сознания взялся этот страшный, тревожный, придавивший меня сон. Такой осязаемо-реалистичный, жуткий...

Вдруг вспомнила: мне и раньше снились парапеты, мо-

сты, оружие, обезумевшие люди, незнакомый, чужой город и река – извилистая, мутная, с топкими берегами, заросшими осокой, тальником, ежевикой. И страх – липкий, леденящий...

Распутать, разгадать эти странные повторяющиеся сны мне не удавалось никогда... Сны-загадки, рождающие тревожные, сумасшедшие мысли. Сны-предупреждения...

Может, это река жизни, думала я, прозрачная, чистая и стремительная в юности, а потом такая путаная, извилистая, мутная. Вот и она скоро закончится, иссякнет, а счастья все нет. И никогда не было, и никогда я не чувствовала себя счастливой. Никогда... Вечная тоска и неудовлетворенность... И отсутствие всяческого доверия, даже к самым близким. И вечный страх за них...

– Мам, это усталость, депрессия, – успокаивала меня дочь, – полежишь, отдохнешь... В Карловы Вары летом отправимся... На воды... Ты только выздоравливай... Все будет хорошо...

...Выздоровливала я долго. Дважды в день приходила медсестра: ставила капельницы, мерила давление, делала уколы. Муж и дети нянчились со мной, как с маленьким ребенком. Ублажали... Баловали... И жизнь потихоньку, маленькими шажочками возвращалась ко мне. Я сама уже пыталась вставать и медленно, будто на ощупь, бродила по квартире.

– Вот и умница, – говорил Стас, радуясь моим успе-

хам, – поправишься, поедем на Волгу. Шеф обещал пансионат арендовать... Для высшего звена... На все лето...

– Ленка говорила, в Карловы Вары.

– Можно и в Карловы Вары... Куда захочешь, туда и поедем...

...Машина чихнула и заглохла. Я вышла из салона в звенящую весеннюю тишину и глотнула чистый, свежий, прозрачный воздух, настоящий на майских цветах и травах. Его можно было черпать в ладони и пить... пить... пить...

Трудыга-шмель весело жужжал рядом со мной и, опускаясь с цветка на цветок, мирно и сосредоточенно выполнял свою будничную, привычную работу. Какие-то мошки вились над головой и, переливаясь всеми цветами радуги в лучах яркого утреннего солнца, напоминали маленькие фейерверки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.